Книгоиздательство „ВѢРНОСТЬ“, № 109.

Н. М. Соколовъ.

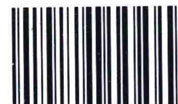
Почему молчитъ духовенство?

Цѣна 25 коп..

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1907.

Книгоиздательство „ВѢРНОСТЬ“, № 109.

Н. М. Соколовъ.

Почему молчитъ духовенство?

Цѣна 25 коп..

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

I.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Уже давно этотъ боевой и мятежный кличъ изъ „Коммунистическаго Манифеста“ Маркса-Энгельса, какъ новый девизъ какой-то новой жизни, какъ облыжно послѣднее слово мнимой науки, прозвучалъ по рынкамъ и фабрикамъ крупныхъ западно-европейскихъ промышленныхъ городовъ и замутилъ источники живой и здоровой жизни.

Это не „сарынь на кичку“ понизовой вольницы, не голосъ русской голытьбы и русскихъ воровъ и шкыней. Это голосъ умнаго и культурнаго запада и *только тамъ*, на западѣ,— онъ имѣетъ свой опредѣленный смыслъ. Но мы не поймемъ нашего освободительнаго движенія, возбужденнаго именно этимъ призывомъ, если не уяснимъ себѣ логическое и психологическое значеніе этого явленія на западѣ.

Прежде, чѣмъ приступить къ фактамъ и смыслу русской жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, для устраненія возможныхъ недоразумѣній, надо понять историческій ходъ развитія этой новой борьбы и мечтательную подра-

жательность русскихъ тунеядцевъ и паразитовъ, съ гримасами обезьянъ, подражающихъ западнымъ борцамъ за соціализмъ.

Прошу читателей о вниманіи и къ вводнымъ страницамъ въ моей работѣ, потому что въ противномъ случаѣ мои выводы не покажутся достаточно ясными.

Высокомѣрная нотка уличной тиранніи и партійнаго деспотизма металлически звенѣла въ этомъ злобномъ голосѣ ничтожнаго, но предпріимчиваго и готоваго на всѣ преступленія меньшинства, которое своею сплоченностью грозило самому существованію огромнаго большинства западно-европейскихъ народовъ. Изъ мятежныхъ рабовъ недѣльнаго заработка, живущихъ отъ расчета до расчета, отъ субботы до субботы, вербовали шайку то мечтателей и доктринеровъ, то революціонеровъ и головорѣзовъ, которые кинжаломъ и бомбой хотѣли установить свое ученіе и безпощадное господство на развалинахъ „существующаго строя".

На историческую сцену выступила немногочисленная, но хорошо организованная и крѣпко сплоченная фаланга мало сознательнаго, но сносно вооруженнаго пролетаріата—и протянула свои завистливыя, жадныя и окровавленныя руки на наслѣдственное достояніе многовѣковой культуры и цивилизаціи.

Дѣло само по себѣ было просто и ясно: меньшинство добивалось власти надъ большинствомъ.

Никакихъ на это правъ, т.-е. ни умственнаго, ни нравственнаго превосходства и авторитета,—оно, конечно, не имѣло и имѣть не могло. Логика и психологія пролетаріата въ своихъ притязаніяхъ могла опираться только на ложь въ теоретической области и на грубую физическую силу въ области политической.

Сама по себѣ ложь была слишкомъ безсильной и очевидной, чтобы скрыть духовное убожество и едва прикрытую лохмотьями наготу уродливаго и причудливаго фетиша. Для новаго маскарада этимъ обнаженнымъ терситамъ нужны были фиговые листки. Ихъ стали искать и нашли въ области такъ называемой идейности.

Этого слова прежде не знали. Въ свое время оно имѣло смыслъ, какъ философскій терминъ, но этотъ смыслъ потеряло, потонувъ въ жидкой и зловонной грязи городской улицы. Идей, высшихъ обобщеній философскаго генія, какъ идеи Платона и Канта, въ этой идейности не было. Это былъ дырявый плащъ инстинктовъ грубой и грязной черни, знамя циничнаго и безстыднаго эгоизма, кличъ разбойничьей банды, пытавшейся разграбить и раздѣлить существующій строй.

Новый „принципъ" отточеннымъ ножомъ прорѣзалъ всѣ пласты европейскаго общества, поднялъ наверхъ низменные инстинкты и сбро-

силъ на дно лучшіе идеалы религіи, философіи, науки и искусства.

Но, разрушая культуру, онъ кутался въ шутовскую мантію какой-то новой культуры.

Прошлое и настоящее было забыто. Говорили только о будущемъ и отъ имени будущаго. Крѣпколобые фетишисты-дикари дико и безтолково кричали, что будущее, скрытое часто даже отъ великихъ пророковъ и вѣдомое только Единому Богу, они знаютъ, какъ свои пять грязныхъ пальцевъ, что грядущія судьбы человѣчества до послѣдней мелочи предугаданы ихъ вождями еврейскаго происхожденія, что евреи и повѣрившіе имъ космополиты создадутъ новый золотой вѣкъ и дадутъ міру „нову тварь и небо новое".

Новая идеологія строилась на торгашеской лживости историческаго семитизма и цыганской беззастѣнчивости при ярмарочной продажѣ порченаго и дохлаго коня за бѣгуна, будто бы не знающаго соперниковъ на гипподромѣ.

На западѣ настали „Сумерки боговъ".

Старые боги германскихъ и романскихъ народовъ падали съ своихъ вѣковыхъ пьедесталовъ. Евреи и ихъ идейные иновѣрцы, минуя Іегову, вспоминали времена еврейскихъ языческихъ искушеній, пиры и оргіи Ваала и Молоха, Астарты и египетской Изиды.

„Христіанство не удалось". Подновляли культъ языческаго эгоизма и міровой тираніи.

II.

О религіи говорить не будемъ. Всѣ знаютъ, что дѣлается во Франціи. Всѣ знаютъ, чѣмъ была религія для кадетовъ и трудовиковъ Государственной Думы. Для городского пролетаріата этотъ вопросъ былъ поконченъ разъ и навсегда. Съ мужицкимъ Богомъ городскіе жулики и хулиганы не считали нужнымъ считаться. Онъ—позади ихъ. Они шли впередъ и выше, все впередъ и все выше,—выше Бога и совѣсти, чести и правды.

Здѣсь ихъ цинизмъ не зналъ ни остановки, ни предѣла и безстыжій голосъ профессора Щепкина звучалъ, какъ извилистая мѣдная или роговая труба левита подъ стѣнами православнаго Іерихона.

Кадеты и трудовики, подражая Навину, кричали съ думской трибуны: „стой, солнце, и не движись луна",—чтобы тѣмъ временемъ искоренить православіе и истребить православное духовенство.

Г. Мережковскій на многолюдномъ собраніи Философскаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, при шумныхъ выраженіяхъ общаго восторга и сочувствія, съ университетской каѳедры провозгласилъ, что „русскій

Христосъ“ — Іуда и Антихристъ, что русскій народъ—отъ духа тьмы и бездны, что это апокалипсическій „Звѣрь“.

Ему не возражали. Съ нимъ соглашались. Ему аплодировали. Луна не двигалась. Солнце остановилось. Православный Іерихонъ падалъ. И, новый двойникъ язычествующаго Аарона, слегка косноязычный лекторъ трубилъ въ витую трубу еврейскаго первосвященника.

Устами г. Мережковскаго „освободительное движеніе“ сказало свое городское и фабричное слово. Бога нѣтъ и не было. Боговъ нѣтъ и не будетъ. „Да здравствуетъ соціальная революція!“

III.

Еще недавно образованные люди запада и Россіи любили философію.

„Много было жениховъ у Пенелопы,—говорилъ когда-то Шопенгауэръ,—но она осталась вѣрна Одиссею. И вы, кому дана великая жажда истины, кому данъ духъ исканія полной правды, не измѣняйте философіи ради другихъ наукъ, когда дерзкіе и настойчивые женихи-кондотьеры хотѣли поставить ихъ на мѣсто философіи“.

Германо-романскій геній, на почвѣ великихъ догадокъ эллинскаго генія, дѣлалъ могучіе опыты разрѣшить всѣ загадки мірозданія и человѣческой мысли на почвѣ человѣческаго разума, только силами логики и діалектики.

Мятежный, но количественный и смѣлый порывъ! Они не достигали послѣдней, божественной вершины, но склоны горы озарялись свѣтлыми и яркими огнями,—и тогда дѣйствительно человѣческій духъ рвался впередъ и выше, все впередъ и все выше, потому что онъ честно и прямодушно заявлялъ, что онъ высоко, но еще не на вершинѣ, что вершина—еще далеко и для ихъ зоркихъ и здоровыхъ очей—еще въ туманѣ.

Мысль мошно дышала силой творчества и геніальнаго прозрѣнія.

Но, по уличному суду мало-сознательнаго рыночнаго пролетаріата, и философія „не удалась“, какъ и христіанство.

Послѣдніе лучи философскаго генія, заимствованнымъ отъ востока и Индіи свѣтомъ, трепетно озаряютъ нѣкоторыя вдохновенныя страницы тоскующаго пророка великой міровой, т.-е. германо-римской скорби, Артура Шопенгауэра, который только въ великомъ буддійскомъ состраданіи ко всему живущему, т.-е. въ русской жалости, нашелъ свое послѣднее утѣшеніе.

И вечерняя заря отгорѣла. Наступили сумерки. Шла и пришла ночь. Электрическіе фонари не замѣнили солнца. Французскіе реалисты Золя, Доде, Бурже и имъ подобные видѣли солнце въ ночникахъ парижской богемы и мансарды и отрицали солнце, потому что въ эти ночи на парижскомъ и французскомъ небѣ его не было. По своему они были правы. Моисей былъ на вершинѣ и говорилъ съ Богомъ. У подножія Синая Бога еще не было. И тамъ торопили Аарона ставить на алтарѣ золотой слитокъ золотого тельца.

Съ скандинавскаго сѣвера, изъ страны ярловъ и викинговъ, которые когда-то становились родоначальниками монархическихъ династій романо-германскаго запада, которые шли на добычу королевскихъ и императорскихъ коронъ, потому что съ своими фіордами и водопадами кондотьеры - корсары ничего не теряли и терять имъ было нечего, — съ суровой, неуютной и голодной родины Валгалы и Геллы, страны тумановъ и елей, озеръ и сосны, водопадовъ и вереска, — раздались таинственные голоса новыхъ друидовъ, Ибсена, Киркегаарда, Бьеорнстерна-Бьеорнсона и другихъ.

Мы поймемъ, можетъ быть, эту тоску западныхъ друидовъ надъ безмолвными нынѣ могилами мудрыхъ и смѣлыхъ конунговъ, ярловъ, которые лелѣяли и пестовали на своихъ колѣняхъ отважныхъ и нищихъ викинговъ, то хоронившихъ свои кости на днѣ непривѣтливаго моря, то одѣвавшихъ державный пурпуръ на тронахъ изнѣженной, но безсильной и безвольной Европы.

Въ новыхъ сагахъ скандинавской лирики звучали нѣкоторые мотивы болѣе намъ знакомой финской „Калевалы“. Что-то тоскливое и безнадежное, какъ осенній прибой у гранитныхъ утесовъ фіорда, какъ осеннія сѣрыя тучи надъ финскимъ озеромъ, — прозвучало мистически-туманно и сиротливо въ однотонной, тоскливой и безконечной пѣснѣ и прошло по Европѣ, какъ какой-то похоронный мотивъ надъ ея дѣдовскимъ величіемъ, надъ ея когда-то молодыми мечтами, надъ далекой, давно забытой силой и энергіей.

На языкѣ давно забытой и мало извѣстной религіи восточными параллелизмами Заратустры, заговорилъ безумный Ницше, онѣмеченный полякъ, съ тѣми смутными и скорбными воспоминаніями, съ которыми когда-то тонули въ нѣмецкомъ морѣ Лютичи и Руничане, славянскіе Боривои скандинавской складки. Безумной тоской и безумной надеждой свѣтились зоркіе когда-то глаза съ острымъ блескомъ сосредоточеннаго, напряженнаго и неизбѣжнаго близкаго помѣшательства. Изъ бездны невыносимой скорби, затаеннаго отчаянія и непобѣди-

маго унынія, рвались, какъ молніи изъ мрачнаго Аида, перуны гнѣва и мести, сверхъчеловѣческой гордости и всепрезирающаго высокомѣрія, при затаенномъ, но несомнѣнномъ сознаніи своего безсилія и своего ничтожества.

Нищій въ рубищѣ, одиноко умирающій на клочкѣ чужой соломы, въ болѣзненно-сладкомъ снѣ видѣлъ себя молодымъ и отважнымъ викингомъ, снаряжающимъ на угрюмомъ фіордѣ своихъ „драконовъ", чтобы помчаться на невѣдомое ему голубое и ласковое море, въ раззоръ разорить Мессину, пограбить поморье Царьграда, привести домой несмѣтную добычу или сѣсть со скипетромъ въ рукахъ на золотомъ королевскомъ тронѣ въ чужой землѣ.

Страстной жаждой и сознаніемъ полнаго безсилія дышалъ его импотентный порывъ. Онъ рванулся,—усталый мозгъ не выдержалъ, свѣтъ разума погасъ и—все потонуло въ непроглядной тьмѣ безконечной ночи.

Послѣднія судороги западно - европейскаго Олимпа, послѣдній гнѣвъ Зевеса на змѣеногихъ гигантовъ.

А змѣеногіе гиганты уже раскачивались на своихъ кольчатыхъ перегибахъ, покрытыхъ твердою лоснящеюся чешуею съ сизымъ и желточернымъ отливомъ,—тѣ многоголовые Пиѳоны изъ непобѣжденнаго хаоса, для которыхъ въ

золотомъ колчанѣ лучезарнаго Аполлона уже не было божественныхъ *стрѣлъ на охрану разумнаго и стройнаго космоса.*

Европейскій Олимпъ въ яркихъ, хотя и безпорядочныхъ видѣніяхъ прошлаго, безсильно и неудержимо засыпалъ при нестройныхъ и шумныхъ кликахъ просыпающагося пролетарскаго хаоса.

Götterdämmerung! Надъ Олимпомъ дохнула всепоглощающая и все уничтожающая Μοῖρα.

По его склонамъ и кручамъ въ темнотѣ поднимался Израиль, только что истоптавшій въ аравійской пустынѣ послѣднія сандаліи, жаждущій сапоговъ и коронъ, наживы и господства, алчный послѣ набившаго оскомину чеснока до нектара и амврозіи. Заговорили Марксы и Энгельсы, Бебели и Либкнехты, Брандесы и Жоресы, Милюковы и Струве, Карѣевы и Траческіе, Аладьины и Онипки.

Невечерній свѣтъ Виѳлеемской звѣзды тонулъ во мракѣ.

IV.

На западѣ—ночь...

А тамъ жили и живутъ умные, смѣлые, энергичные люди. За ними долгій и блестящій опытъ. Они шли отъ побѣды къ побѣдѣ и

могутъ передъ лицомъ всего міра гордиться великими легендами и когда-то несокрушимою силою творчества. Каждый камень ихъ узкихъ и тѣсныхъ градовъ даетъ имъ право на законную гордость и вѣру въ себя, которую они привыкли называть прогрессомъ. Они не замѣчаютъ, что прогрессъ остановился, что державныя хоругви запылились и истлѣли; они вѣрятъ, что Олимпъ вѣченъ, что и они вѣчны, потому что они боги, что хаосъ усмиренъ и безсиленъ.

Какъ Ницше, они хватаются за зазубренный и поржавѣвшій мечъ предковъ, смѣлыхъ рыцарей, когда опасность слишкомъ очевидна, и тогда только съ бою уступаютъ каждый шагъ на аренѣ политической борьбы и до сихъ поръ, какъ побѣдоносные гладіаторы въ императорскомъ Колизеѣ, надъ трупами сраженныхъ противниковъ, слышатъ довольные и спокойные голоса амфитеатра—habet!“ Есть еще сила въ рукѣ, не забыто старое мастерство въ поединкѣ.

Они умѣютъ бороться и любятъ бороться.

И пока что—побѣда за ними.

Новый стоногій и сторукій Израиль, первосвященники, священники и левиты пролетаріата, по чину и обрядамъ походной и блуждающей въ пустынѣ еврейской скиніи, протяжно и уныло тянутъ побѣдные псалмы на мотивы отвлеченной схоластики, отвлеченной рутины,

идейнаго обскурантизма,—ихъ псалтири и боевыя волынки всѣмъ давно надоѣли,—а они все дудятъ и голосятъ, заранѣе торжествуютъ побѣду и считаютъ добычу, все хоронятъ существующій строй, но попрежнему пока что еще топчутся на мѣстѣ.

Честь и слава устойчивому и прочному западу, который—страха ради іудейска—не бѣжитъ съ позицій, не бросаетъ мечей и знаменъ и не подпускаетъ къ себѣ близко вѣроломнаго врага.

За кѣмъ въ концѣ концовъ останется побѣда—вопросъ будущаго. Но есть остатки таинственной и могучей жизни на дорогѣ къ исторической могилѣ, понятны тоска и слезы, есть трагическая красота въ этой скорби, въ дни паденья и горя вспоминающей былое величіе и былую славу. Это старость и можетъ быть близкая смерть, но это неподдѣльное серебро сѣдинъ, смѣнившее золото бѣлокурыхъ тевтоновъ въ дни ихъ молодости.

То—на западѣ. То ли у насъ,—не въ народѣ, а наверху, въ туманахъ „мыслящей Россіи?“

И то, и не то. То по внѣшнимъ очертаніямъ въ расположеніи враждующихъ сторонъ. Совсѣмъ другое — въ вооруженіи, характерѣ и подготовленности главныхъ штабовъ, генераловъ, офицеровъ и рядовыхъ обоихъ становъ.

На одной сторонѣ, у трудовиковъ и кадетовъ нѣтъ разума, а одна только воля и въ этой волѣ нѣтъ ничего, кромѣ гнѣва и мести.

На другой сторонѣ нѣтъ ни разума, ни воли, только какія-то смутныя воспоминанія о канцелярской волокитѣ, архивы пестрыхъ проектовъ и докладныхъ записокъ, нескладныя и ненужныя традиціи, не службы, а прислуживанія, избытокъ исполнительности при полномъ отсутствіи постоянной и опредѣленной цѣли, огромный запасъ приспособляемости ко всякому „вѣянію и теченію“ начальственнаго перста, поднимающагося и опускающагося по волѣ то Борея, то Зефира съ іерархическихъ высотъ, разноплеменная пестрота, равнодушная къ нуждамъ и совѣсти народа, ничѣмъ неограждённая отъ соблазновъ и искушеній предательства и измѣны.

Самодержавіе или республика, анархія или порядокъ, хаосъ или космосъ—не все ли равно, если имѣется послѣдній циркуляръ надлежащаго вѣдомства и изъ освѣдомленныхъ сферъ извѣстны воля начальства и намѣренія правительства?

Фиктивная, безпринципная, лакейская орда чиновныхъ холоповъ, не горячихъ и не холодныхъ, а теплыхъ, тѣхъ земноводныхъ амфибій, которыхъ гнѣвный и справедливый Данте помѣстилъ въ лимбѣ.

„Ихъ не принимаетъ небо, потому что они его недостойны. Но ихъ не принимаетъ и адъ, чтобы грѣшники при видѣ ихъ не стали гордиться“.

Это только кажется, что позиція кѣмъ-то занята, что тамъ есть какая-то полунѣмецкая Wacht am Rein, которая даетъ отпоръ пролетаріату, которая стоитъ за мужика съ его вѣрой, совѣстью, традиціями, характеромъ и вѣковымъ опытомъ.

Нѣтъ, именно тамъ-то и сидятъ штабъ и оберъ-офицеры пролетарской орды печальной памяти Петра Амьенскаго, пророки и стратеги всеобщей забастовки и вооруженнаго возстанія. Развѣ была бы возможна первая забастовка, если бы ее не поощряли сверху? Всякія забастовки у насъ принято объяснять стихійностью. Но что дѣлать обществу, если стихійность щеголяетъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ спереди и сзади? Какъ вѣрить имъ, когда они слушаются только голоса окраинъ и рубежей?

Очевидно, что вооружена только одна сторона. Другая систематически—во имя какой-то свирѣпой и безпощадной гуманности—постоянно обезоруживается. На западѣ общество стоитъ на стражѣ своихъ интересовъ противъ аппетита и мракобѣсія идейнаго пролетаріата. У насъ только пролетаріатъ пользуется охраною арміи и флота противъ „внутренняго врага“,

противъ „черносотенцевъ“, т. е. противъ коренного русскаго населенія.

На западѣ революціонеры являются отвѣтственными за революцію. У насъ контръ-революціонеры считаются погромщиками и бунтарями.

Подобное положеніе дѣлъ возможно только тамъ, гдѣ бюрократія и безвольна, и безумна,—готова на все вообще, или тамъ, въ особенности, гдѣ правительство превращается въ блуждающую почку, которую непремѣнно надо было бы какъ-нибудь прикрѣпить, чтобы хоть на короткое время дать отдыхъ и успокоеніе организму. Всѣ попытки остановить ее по рецептамъ освободительнаго движенія и забастовки, прописаннымъ бомбометателями и семитами, дѣлаютъ и будутъ дѣлать этотъ процессъ все болѣе и болѣе затяжнымъ, пока, будто бы, по капризу природы и по волѣ судьбы,—намъ не придется жить совсѣмъ безъ почекъ.

Говорятъ, что приспособляемость человѣческой природы превосходитъ всѣ границы человѣческаго вѣроятія. Можетъ быть. Впрочемъ, и возражать противъ этого нечего. Что называется, по волчьи жить, по волчьи выть. Стало быть, иначе нельзя. Приходится полагаться только на себя и на свою изворотливость. Если пришелъ лозунгъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь,“—то надо соединяться

и тѣмъ, кто отъ объединенія пролетаріата ничего добраго не ожидаетъ. Вѣдь пролетарій—буквальное повтореніе кита, который проглотилъ Іону: и онъ хочетъ проглотить существующій строй. И думается намъ, что и существующій строй долженъ объединиться—не для того, конечно, чтобы проглотить тощаго и костляваго ерша, а только для того, чтобы онъ самъ не лѣзъ въ горло и не застрялъ тамъ надолго.

V.

Надо объединяться.

Это не логическій выводъ изъ школьнаго силлогизма, а неотложная потребность, властно продиктованная жизнью и обстоятельствами времени. Вопросъ вовсе не метафизическій, а вопросъ о самомъ правѣ на существованіе. Надо объединяться, потому что иначе вши и блохи одолѣютъ и заѣдятъ на смерть.

Когда меньшинство добивается господства и власти надъ большинствомъ, поздно говорить о разборчивости въ средствахъ. Цѣль меньшинства слишкомъ эгоистична, чтобы оно могло думать объ общемъ благѣ. Ему по горло хватитъ думъ и заботъ о себѣ. Оно воспользуется

всякою оплошностью и перерветъ глотку всякому зазѣвавшемуся.

Къ счастью, соціалисты и соціалъ-демократы и не скрываютъ своихъ цѣлей. Они говорятъ прямо и просто: разрушеніе, уничтоженіе, гибель, смерть... При такой ясности цѣли, съ ними трудно бороться силлогизмами, доказательствами, доводами разума.

Новые вандалы и варвары записали на своемъ знамени: homo homini lupus est. Было бы не по христіански для борьбы съ волками самому превратиться въ волка. Надо и можно остаться человѣкомъ. Предположительно, у человѣка больше разума, чѣмъ у волка, хотя волкъ голоденъ, золъ и иногда смѣлъ. Замѣчено, что даже при заселеніи новаго края, разъ это заселеніе ведется разумно и сознательно, волки сами собою ретируются и пропадаютъ. Ихъ сила въ злобѣ, въ сплоченности и стойкости, т. е, въ волѣ и партійной дисциплинѣ, какъ это и признавали кадеты, а не въ разумѣ и не въ убѣдительности. При разумной охранѣ скотнаго двора и домашней живности, волки бѣгутъ за добычей въ другое мѣсто, или голодаютъ въ лѣсныхъ трущобахъ.

Итакъ, при вражескомъ натискѣ со стороны, все дѣло въ объединеніи, сознательномъ, разумномъ и честномъ. Кадеты и соціалисты думаютъ и говорятъ, что такое объединеніе дѣло

легкое, разъ „интересы“ одинаковы и дѣйствительность, повидимому, оправдываетъ ихъ практическій выводъ. Но если всмотрѣться въ дѣло поглубже, окажется, что этотъ выводъ страдаетъ партійной однобокостью. Волкамъ легче объединиться, чѣмъ зайцамъ и медвѣдямъ. Зайцы бѣгутъ отъ волковъ вразсыпную, потому что они считаютъ для себя непримѣнимымъ боевой лозунгъ пролетаріата: въ единеніи сила. Если они будутъ въ единеніи, волкъ ихъ всѣхъ перелопаетъ. Если же каждый ударится въ свою сторону, кое-кто и сбережетъ отъ волчьихъ зубовъ свою шкурку.

Медвѣдь-силачъ-отшельникъ—слишкомъ полагается на свою силу. Онъ любитъ побороться одинъ на одинъ. Это слишкомъ важная лѣсная персона, чтобы полагаться на союзниковъ и единомышленниковъ. У него нѣтъ волчьяго аппетита. Онъ доволенъ сравнительно малымъ. Но дома—онъ всему голова и хозяинъ. Онъ ломаетъ все, что ему мѣшаетъ, пока его самого не сломаютъ.

Выводъ ясенъ. Чаще всего объединяются хищники: общность ихъ интересовъ—слишкомъ проста и понятна. Волчья стая всегда сравнительно немногочисленна. Это не многоголовое деревенское стадо. У нихъ всегда партизанскій образъ дѣйствій. Они дѣйствуютъ скопомъ, но небольшими отрядами.

Посмотрите на шайки мародеровъ, которыя дѣйствовали и дѣйствуютъ въ тылу революціонной арміи. Онѣ взялись за бомбы и кинжалы не ради политики. Онѣ объединились на самыхъ простыхъ и первобытныхъ инстинктахъ—грабежа и вымогательства, насилія, и убійства. Это небольшія, сравнительно, шайки воровъ и разбойниковъ. Вѣроятно, по числу ихъ меньше, чѣмъ членовъ любой оппозиціонной партіи. Но они объединены крѣпче. Воровская и разбойничья дисциплина суровѣе, чѣмъ дисциплина іезуитскаго ордена, потому, что „общность интересовъ“ здѣсь гораздо яснѣе и проще, да и средства, которыми пользуются эти „активныя организаціи“ гораздо внушительнѣе.

Политическія партіи, объединившіяся на почвѣ дружной борьбы съ существующимъ строемъ, гораздо многочисленнѣе, но не такъ хорошо организованы. Онѣ тоже выдвигаютъ общность интересовъ на почвѣ „захвата“, напримѣръ, захвата власти, но эта цѣль носитъ уже отпечатокъ нѣкоторой отвлеченности, „идейности“, какъ говорятъ теперь, т. е. обѣщаетъ что-то призрачное и случайное, вмѣсто прямой и очевидной выгоды и наживы. Тутъ „идеологія“ тоньше, сложнѣе, пожалуй, туманнѣе, хотя въ основѣ своей мораль пролетаріата та же.

Поэтому, по нѣкоторымъ свойствамъ человѣческой природы объединеніе для захвата вла-

сти легче и проще, чѣмъ объединеніе для ея обороны. Въ томъ и другомъ случаѣ побужденія къ „активности“ слишкомъ различны и несоизмѣримы. Въ послѣднемъ случаѣ для него необходимы начала совѣсти и чести, мотивы не только воли, но и разума.

Еще одна подробность. Убійцы, воры и грабители, совершивъ преступленіе, обыкновенно скрываются безслѣдно и поэтому остаются безнаказанными. Это характерная черта въ психологіи городской уличной толпы, ниже той, въ которой нѣтъ злой воли, но нѣтъ еще и общественнаго разума. Она думаетъ, что общественныя преступленія только дѣло полиціи и ея отнюдь не касаются. Правда, эта инертность часто объясняется силою внѣшняго давленія.

Не думаю, чтобы эта городская толпа была проникнута тѣмъ убѣжденіемъ, которое такъ энергично проповѣдуютъ въ своихъ „очеркахъ по исторіи русской культуры“ г. Милюковъ и всѣ его единомышленники, г. Ленинъ и большевики, г. Плехановъ и меньшевики. Не думаю, чтобы толпа видѣла въ этой „активности“ проявленіе „стихійной общественной эволюціи“, роста личности и роста правового сознанія.

Эту ошибку долго дѣлали кадеты и трудовики, пока не поняли, что опираться на убійства и грабежи—значитъ портить свою политическую, давно уже подмоченную репутацію,

и только послѣ роспуска Думы, такъ сказать заднимъ числомъ, они стали говорить, что и они противъ душегубства и грабежа, хотя эти позднія заявленія не могутъ найти кредита.

Нѣтъ, городская толпа не столь „идейна". Она видѣла и понимала, что это подлинно воры и разбойники, но ее парализовало постоянное бездѣйствіе власти, что совершенно спутывало ея понятія. То, что ее смущало и приводило въ негодованіе, становилось будничнымъ, заурядным явленіемъ, какимъ-то пустякомъ, на который не слѣдуетъ обращать вниманія. Эта толпа еще не была знакома съ фактомъ состоявшейся переоцѣнки цѣнностей, съ программою несуществующаго строя и съ заповѣдями пролетарской морали.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и эти низшіе слои городского населенія еще „не созрѣли" для разумнаго соединенія на почвѣ защиты того существующаго строя, разрушать который съ одинаковой убѣжденностью, но не по одинаковымъ побужденіямъ готовы вооруженные пролетаріи, такъ и вооруженные отбросы общества.

Только добрая, просвѣщенная и разумная сила можетъ взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и стать ядромъ необходимаго и неотложнаго объединенія.

Есть ли у насъ такая сила? И гдѣ ее искать.

VI.

По болѣе, чѣмъ двухсотлѣтней привычкѣ взоры всѣхъ прежде всего обратились на дворянство, Оно всегда считалось „опорой трона". Но это было только историческое воспоминаніе. У него не оказалось въ наличности общности интересовъ и единства цѣли. Оно, за очень немногими исключеніями, оказалось сверху и донизу проникнутымъ идейностью, т. е. безпочвенною мечтательностью и дешевымъ доктринерствомъ. Оно тоже стремилось къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей и свысока, слишкомъ пренебрежительно относилось къ своимъ реальнымъ интересамъ.

И оно мечтало о безпредѣльной политической свободѣ, только вовсе не той, которую такъ услужливо предложили ему „друзья съ крайней лѣвой стороны", т. е. не объ освобожденіи отъ земельной собственности.

Оно тоже фрондировало противъ смертной казни и не находило осужденія для политическаго убійства, какъ очень дѣйствительнаго средства для политической борьбы съ „существующимъ строемъ", т.-е. стояло за революцію, хотя, конечно, отнюдь не въ томъ масштабѣ и не въ томъ направленіи, въ какомъ

она стала „выступать“ подъ знаменами „лѣвыхъ друзей“.

Раздавались отдѣльные голоса, свободные отъ пролетарской идейности, и сравнительно умѣренные на стремнинахъ аграрнаго вопроса, но они безслѣдно пропадали въ хаосѣ наслѣдственной оппозицiонности и показного либерализма.

Несомнѣнно, что при рѣшенiи всѣхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, поставленныхъ „на очередь“, оно не имѣло ни влiянiя, ни авторитета.

Почему оно не проявило такъ называемаго „самосознанiя“ и энергiи, крѣпкой логики и здоровой психологiи, — почему его голосъ звучалъ такимъ отсутствiемъ вѣры въ себя и такою нерѣшительностью,—почему оно не нашло возраженiй противъ логики пролетарiата и босяческой идейности,—все это вопросы, на которые отвѣты даетъ его исторiя за послѣднiе два вѣка. Это дѣло слишкомъ сложное, чтобы въ данный историческiй моментъ снова ставить его на очередь.

Фактъ только тотъ, что оно чувствовало себя одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ логики, чуждымъ народу и ссылалось въ своей полемикѣ на римское право, а не на свою органическую связь съ мѣстнымъ населенiемъ.

Оно—не молчало. Но его голосъ почему-то оставался гласомъ вопiющаго въ пустынѣ.

Но духовенство молчало и—молчитъ.

Что это значитъ? Какъ это надо понимать? Вотъ вопросъ,—по моему мнѣнiю,—огромной важности, который въ дальнѣйшихъ судьбахъ нашей родины будетъ имѣть рѣшающее значенiе.

То, что я хотѣлъ бы сказать по этому вопросу, можетъ быть, и не ново, — но все это такъ хорошо забыто, что я позволю себѣ напомнить нѣкоторые факты и подробности.

Дворянство никогда не молчало. Оно всегда имѣло возможность говорить. Пробовали когда-то говорить и старообрядцы. И — замолчали. Пробовало говорить и духовенство. Но...

VII.

Вспоминать ли то далекое время, когда и русское духовенство говорило?

Теперь это только вопросъ исторiи, далекой исторiи. Память о голосѣ русской церкви и русскаго духовенства осталась только въ книгахъ, которыя теперь почти никто не читаетъ.

Но отмѣтимъ мимоходомъ два, три характерныхъ факта.

„Учительнаго слова (великому князю, Ивану III) отъ него (митрополита) не слышно и не жалуется онъ ни о чемъ, — когда-то горько

жаловался опальный бояринъ Берсень - Беклемишевъ,—а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ и жаловались государю о всѣхъ людяхъ“.

Да... Было время... Давно это было...

„Не узнаю царя въ такой одеждѣ,—говорилъ митр. Филиппъ, когда въ Успенскомъ соборѣ царь съ опричниками подошелъ къ нему въ полушутовскомъ костюмѣ,—не узнаю его и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія. Мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная“. Царь грозилъ святителю. „Я пришлецъ на землѣ и готовъ пострадать за истину, — отвѣчалъ Филиппъ.—Гдѣ же вѣра моя, если умолкну?“

— Какой онъ патріархъ, — говорили при Петрѣ про патріарха Адріана. — Живетъ изъ куска. Бережетъ мантіи и клобука бѣлаго, за то и не обличаетъ.

При переговорахъ съ Сигизмундомъ о королевичѣ Владиславѣ, какъ кандидатѣ на русскій престолъ, московскіе бояре, помимо уполномоченныхъ пословъ Филарета и Голицына, послали польскому королю грамоту съ согласіемъ во всемъ положиться на королевскую волю. Московскіе послы не признали эту грамоту обязательной для себя.

— Изначала у насъ такъ повелось,—говорили они Сигизмунду. — Если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ—и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали. И почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ. Теперь же мы стали безъ государя, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный“.

„Вздохника по старому,—писалъ протопопъ Аввакумъ царю Алексѣю Михайловичу,—какъ при Стефанѣ (Вонифатьевѣ) бывало и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго! А киріеелейсонъ-отъ оставь: такъ еллины говорятъ, плюнь на нихъ. Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его ни въ церкви, ни въ дому, ни въ простой рѣчи... Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ черезъ Кирилла и Меѳодія. Чего же намъ еще хочется лучше того? Развѣ языка ангельскаго? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ—до общаго воскресенія“.

За такія рѣчи всѣ русскіе люди какъ-то фатально попадали въ тюрьму.

„Нынѣ послѣднее мое тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба,—писалъ тотъ же Аввакумъ царю уже изъ тюрьмы.—Помилуй единородную душу твою (человѣкъ живетъ только разъ) и вниди въ первое

твое благочестіе... Здѣсь ты намъ праведнаго суда съ отступниками не далъ, такъ тамъ на Христовомъ судѣ, будешь отвѣчать всѣмъ намъ... Жаль намъ твоей царской души, а помочь не можемъ: самъ ты не хочешь своего спасенія... А что ты не велѣлъ насъ по смерти хоронить, а при жизни лишилъ Святыхъ Таинъ... хорошо ты это придумалъ со своими властями... И мученикамъ святымъ, какъ ты всякій день слышишь въ церкви, не было честнаго погребенія... Чѣмъ мы ихъ лучше?.. Чѣмъ ты больше насъ оскорбляешь, и мучишь, и томишь, тѣмъ мы тебя, царя, больше любимъ и Бога за тебя молимъ до смерти твоей... Спаси Господи, и обрати къ истинѣ Твоей! Если же не обратитесь, то всѣ погибнете—вѣчно, а не временно... Нѣтъ, государь, будетъ плакать о тебѣ; вижу, не исцѣлить тебя! Ну, прости же, Господа ради, пока не увидимся съ тобою тамъ... Присылалъ ко мнѣ сказать: разсудитъ-де, протопопъ, меня съ тобою Праведный Судія, Христосъ. И я на томъ же положилъ. Будь по твоей волѣ. Тебѣ, государь, такъ угодно,—оно и мнѣ такъ любо. Ты царствуй много лѣтъ, а я много лѣтъ мучусь. И пойдемъ вмѣстѣ въ дома свои вѣчные, когда Богу будетъ угодно. Видишь ли, самодержавный, ты владѣешь, живя на свободѣ, одной только русской землей, а мнѣ Сынъ Божій за темничное сидѣніе поко-

рилъ небо и землю. Ты, отъ здѣшняго своего царствія отойдя въ вѣчное жилище, возьмешь только гробъ да саванъ, а я по вашему распоряженію не сподоблюсь савана и гроба: нагія мои кости псами и птицами растерзаны будутъ. Но и такъ хорошо и пріятно мнѣ въ землѣ лежать, свѣтомъ быть одѣту, небомъ быть покрыту... Ну, хоть, государь, и приказалъ ты выкинуть меня своимъ собакамъ, благословляю тебя еще разъ послѣднимъ благословеніемъ“...

Да, русское духовенство когда-то говорило... Потомъ оно замолчало и—молчитъ... Но вѣдь и русскій мужикъ съ того же времени замолчалъ и молчитъ—еще упорнѣе, еще строптивѣе и тише. Говорили и говорятъ другіе. Говорятъ одни и другимъ говорить не даютъ и не дадутъ. И на то есть свои причины. Онѣ ясны, какъ день, но ихъ забыли и боятся вспоминать.

Безмолвіе — результатъ двухвѣковой необходимости и привычки. Православіе было только до Петра. Потомъ пошла политика.

VIII.

Въ мое время въ шестомъ классѣ семинаріи исторію русской церкви проходили по превосходному учебнику г. П. Знаменскаго, которо-

му слѣдовало бы быть настольною книгою у каждаго образованнаго русскаго человѣка. Но русскую исторію намъ позволяли тогда изучать только до Петра. Дальше начиналась область благонамѣренности или неблагонамѣренности, въ которой распутаться было трудно.

Явный выводъ, что православіе подверглось всестороннему и несомнѣнному гоненію, что для русской вѣры нашлись свои Нероны и Діоклетіаны, что за православіе лилась мученическая кровь, что правительство употребило много усилій, чтобы подавить и искоренить православіе, — казался „неудобнымъ“ въ стѣнахъ казеннаго учебнаго учрежденія, и преподаватели малодушно останавливались на этомъ Рубиконѣ, вмѣсто того, чтобы лавировать между Сциллою и Харибдою.

Бѣгло отмѣтимъ только нѣсколько фактовъ, чтобы опредѣлить истинный смыслъ и характеръ молчанія духовенства.

Петръ среди другихъ реформъ задумалъ и церковную реформу. Человѣкъ дѣловой и практичный, онъ сразу же понялъ, что русскими руками это дѣло дѣлать нельзя. Нужны были Ѳеофаны Прокоповичи, которые могли бы по его заказу писать то „Трактатъ объ амазонкахъ“, то „Изслѣдованіе миѳологіи для Аполлодоровой Библіотеки о богахъ“, то „Правду воли монаршей“.

Русскимъ людямъ была закрыта дорога къ епископской каѳедрѣ и къ настоятельству въ монастыряхъ. Въ ходъ пошли архіереи — „черкасы“.

Вотъ короткая выдержка изъ длиннаго списка русскихъ іерарховъ первой половины XVIII вѣка. Стефанъ Яворскій (въ польскихъ школахъ отрекался отъ православія), Филоѳей Лещинскій, Варлаамъ Коссовскій, Іоасафатъ Краковскій, Ѳеодосій Яновскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ (учился за границей, гдѣ, разумѣется, отрекался отъ православія), Ѳеофилактъ Лопатинскій, Гедеонъ Вишневскій, Іоаннъ Максимовичъ, Никодимъ Ленкевичъ, Амвросій Юшкевичъ, Антоній Стаховскій, Амвросій Маціевичъ, Амвросій Зертисъ-Каменскій, Варлаамъ Скамницкій, Павелъ Конюскевичъ, Пахомій Симанскій, Илларіонъ Рогалевскій, Сильвестръ Головацкій, Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, Иннокентій Кульчицкій, Иннокентій Неруновичъ, Іоасафъ Хотунцевскій, Софроній Кристалевскій, Іосифъ Блончицкій, Варлаамъ Лящевскій, Симонъ Тодорскій, Кириллъ Флоринскій, Гедеонъ Криновскій, Стефанъ Савицкій, Сильвестръ Кулябка, Гавріилъ Кременецкій, Порфирій Крайскій, Гедеонъ Антонскій и мн. др.

Можно ли относить этихъ прелатовъ и бискуповъ къ составу *русскаго* духовенства?

И это была не случайность, а обдуманная и планомѣрная система внутренней политики правительства на протяженіи полувѣка.

Съ востока патріархъ Досиѳей просилъ Петра не ставить въ іерархи ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ, а ставить своихъ москвитянъ, „аще и не мудри суть“, а новые святители заражены латинскимъ духомъ. Но Петръ не измѣнилъ своей политики.

Члены синода, вспоминая времена Анны Іоанновны, въ прошеніи къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, наивно спрашивали: „ежели бы регентъ (Биронъ), или генералиссимусъ (Минихъ) съ Остерманомъ утвердилися, кто бы имъ смѣлъ поспорить, когда бы единаго изъ двухъ своихъ пасторовъ въ синодъ посадили“?

Бискупы и архимандриты изъ черкасовъ были свирѣпы и безпощадны и—вотъ въ 1754 г. послѣдовала высочайшая милость: дозволено было на высшія церковныя мѣста „возводить духовныхъ лицъ не одного малороссійскаго, но и великорусскаго происхожденія“.

Екатерина II была еще милостивѣе,—кажется изъ дипломатическихъ побужденій? Она— уже въ противоположномъ направленіи — при представленіи списка кандидатовъ на мѣста монастырскихъ настоятелей повелѣла отмѣчать, кто какой *націи*. Распоряженіе это, конечно, послѣдовало послѣ дѣла Арсенія Мацѣевича, именно въ 1765 г.

Съ Петра стали винить „духовную команду въ отважномъ и нечувственномъ небреженіи“ — и вотъ почему. Въ свое время, какъ нынѣ трудовики и кадеты, Петръ считалъ монастырскія земли „тунегиблемыми“. Въ виду этого, онъ отобралъ отъ монастырей все, что могъ, и назначилъ монахамъ самое скудное жалованье, „безъ чего пробыть невозможно“. Но и это отнялъ. Онъ хотѣлъ вовсе уничтожить частную благотворительность, велѣлъ ловить всѣхъ нищихъ для распредѣленія ихъ по работамъ или въ богадѣльни и назначилъ даже штрафъ за каждую подачу милостыни (отъ 5 до 10 руб). Новое бремя цѣликомъ легло на монастыри. А послѣ шведской войны пришлось еще кормить инвалидовъ, — изъ чего, конечно, неизвѣстно. Въ 1723 г. синодъ доложилъ Петру, что кормить солдатъ „не изъ чего“. Петръ, понятно, разсердился—и велѣлъ больше никого въ монахи не постригать, а монастырскія вакансіи замѣщать солдатами.

А Ѳеофанъ Прокоповичъ, его ученый и даровитый сподвижникъ, съ высоты столичной епископской каѳедры, щедрою рукой сѣялъ сѣмена протестантства и ереси и въ такое время, будучи монахомъ, вмѣстѣ съ Петромъ исповѣдывалъ ту истину, „что монахи поядаютъ чужія труды“ и что именно отъ нихъ идутъ „всѣ ереси, забобоны и суевѣрія“. Въ виду

этого, нѣсколько разъ былъ повторенъ указъ, чтобы монахи не держали въ кельяхъ бумагу и чернила и ничего не писали безъ вѣдома и согласія настоятеля. А Ѳеофану никто не мѣшалъ писать свои ереси и свои нескончаемые „забобоны“ на Ридшіевскаго и другихъ.

„Священники, — свидѣтельствовалъ Посошковъ, ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить; гдѣ было обѣдню служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить и паства духовная остается въ сторонѣ“. „Чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть... Иной пресвитеръ возложитъ одежду златотканую, а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ“.

При Петрѣ бродячихъ священниковъ приказано было такъ же ловить, какъ и бродячихъ монаховъ. За исповѣдь у бродячаго попа брали 10 р. штрафу. Лишнихъ церковно-служителей и дѣтей духовенства велѣно было записывать въ подушный окладъ, уклонившихся отъ записи ссылать на галеры. Духовенство лично было освобождено отъ военной службы; но священники и діаконы обязаны были поставлять

по одной лошади съ 150 дворовъ прихода, а причетники вносили на военное дѣло въ годъ по рублю деньгами. Духовенство несло и лично полицейскую службу — караульную на улицахъ, пожарную. Недоимки выбивались посредствомъ жестокихъ правежей съ большими запросами и взятками. Нищенство въ духовенствѣ росло. Выборное начало исчезало; вводилась наслѣдственность духовнаго званія. Духовенство прикрѣпилось къ церкви, и выходъ изъ званія становился почти невозможнымъ. Духовенство обязано было доносить о распространителяхъ суевѣрій и раскола, о замыслахъ противъ правительства и о словахъ, касающихся чести государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавало о нихъ на исповѣди.

IX.

Имя Бирона для русскаго духовенства—незабвенно. „Въ эту эпоху крупныхъ и мелкихъ временщиковъ и угнетенія слабыхъ сильными,— говоритъ г. Знаменскій, — бѣлое духовенство было совсѣмъ забито. Губернаторы и другія свѣтскія начальства забирали священно-служителей въ свои канцеляріи, держали подъ арестомъ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ; въ

сельскихъ приходахъ члены причта были полными рабами помѣщиковъ".

Въ 1731 г. было запрещено дѣтей духовенства увольнять въ свѣтское званіе. При Биронѣ множество священнослужителей подверглось разстриженію, наказанію плетьми и ссылкамъ, въ связи съ разными опальными людьми и за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ. Въ 1736 г. было приказано всѣхъ духовныхъ дѣтей и церковниковъ, не бывшихъ у присяги, взять въ солдаты; въ слѣдующемъ году взяли въ солдаты и тѣхъ, которые были у присяги позже, въ 1732 г. Всего было взято въ солдаты 6557 человѣкъ. За небытіе у присяги всѣ были наказаны плетьми. Этотъ „разборъ" духовенства кончился въ 1740 г. Только въ четырехъ сѣверныхъ епархіяхъ 132 церкви остались вовсе безъ причта.

Съ легкой руки Бирона эти „разборы" духовенства пошли въ ходъ и перешли даже за XVIII в. Духовенство, крѣпко запертое въ рамкахъ своего званія, путемъ этихъ жестокихъ разборовъ освобождалось отъ лишнихъ людей, накоплявшихся въ извѣстный промежутокъ времени.

Въ 1742 г. духовенство было освобождено отъ карауловъ при рогаткахъ, отъ пожарной „и отъ прочей полицейской должности".

Бироновскія традиціи сохранялись долго. „Всѣ старанія императрицы Елизаветы Петровны,—говоритъ г. Знаменскій,—дать своему наслѣднику (Петру III) православное образованіе и пріучить его къ православной церкви не привели ни къ чему; не стѣсняясь ничѣмъ онъ высказывалъ полное презрѣніе къ православнымъ, задумалъ все русское духовенство заставить брить бороды и носить платье протестантскихъ пасторовъ, изъ церквей вынести всѣ иконы, кромѣ Спасителя и Богоматери,— по свидѣтельству современника Болотова, будто бы уже и далъ о томъ именное повелѣніе архіепископу Дмитрію Сѣченову и, когда этотъ выразилъ протестъ противъ такого изумительнаго повелѣнія, то удалилъ его на нѣкоторое время отъ каѳедры".

Екатерина II, какъ извѣстно, отличалась исключительною вѣротерпимостью, т. е. особенною энергію въ гоненіи православной церкви. „Какъ всевышній Богъ,—въ 1773 г. писала Екатерина синоду,—на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали".

Въ силу этого указа, „отъ какого-либо исправника или городничаго,—говоритъ г. Знаменскій,—страдала подчасъ не одна спина и борода священника, но иногда и дароносица, которую онъ имѣлъ при себѣ",

Въ придворномъ и высшемъ обществѣ знали эти факты, но съ голоса французскихъ энциклопедистовъ искали въ русскомъ духовенствѣ „склонности къ началамъ ненасытнаго папскаго властолюбія“. Синодъ считали, по выраженію кн. Щербатова, „корпусомъ, непрестанно борющимся для пріобрѣтенія себѣ большей силы“. Болтинъ смотрѣлъ на іерархію прямо, какъ на злую силу исторіи, причину невѣжества народа и слабости государства. Чѣмъ духовенство сильнѣе и просвѣщеннѣе, тѣмъ это, по его мнѣнію, хуже и для народа, и для государства— и потому, надо благодарить Бога, что наше духовенство было всегда невѣжественнымъ.

Арсеній Мацѣевичъ вступился было за неприкосновенность монастырскихъ вотчинъ. Мѣры правительства угрожаютъ полнымъ уничтоженіемъ монашества,—говорилъ онъ. При такихъ порядкахъ, по его пророческимъ словамъ, „государство со всѣми своими академіями и чинами обратится въ государство безпоповское, протестантское или даже атеистическое“. Его лишили сана и сослали въ Корельскій монастырь. Но онъ, „не дѣлая никакихъ оглядокъ на человѣческіе страхи“, считалъ свое осужденіе незаконнымъ дѣломъ гонителей церкви,— архіереевъ новгородскаго и петербургскаго „и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые въ комиссіи сидѣли“. Его разстригли и подъ именемъ

„Андрея-враля“ отправили въ самое страшное заключеніе въ Ревельскую крѣпость. Юморъ чисто петровскій. Екатерина писала коменданту Ревельской крѣпости, чтобы онъ крѣпче держалъ арестанта: „народъ его очень почитаетъ изстари, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ“.—„Благо, яко смирилъ мя еси“—углемъ написалъ Арсеній на стѣнѣ тюрьмы, гдѣ онъ безвыходно томился до смерти.

Удивляться тутъ нечему. При дворѣ и въ вельможныхъ кругахъ Бога и умъ замѣнилъ Вольтеръ и только въ него одного и вѣрили великолѣпные вольнодумцы изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ. А Вольтеръ говорилъ опредѣленно и ясно.

„Довольно съ насъ,—вѣщалъ фернейскій отшельникъ,—если всѣ порядочные люди будутъ презирать суевѣріе“, т. е. религію. „Народъ всегда останется грубъ и невѣжественъ: это скотъ, которому нужны лишь ярмо, кнутъ, да сѣно. „Правда, и для русскаго общества это было уже не ново. Еще „полигисторъ“ В. И. Татищевъ, который когда-то, въ тонъ Петру и Ѳеофану Прокоповичу, говорилъ: „мнится пристойнѣе, чтобы законы церковные состояли подъ властью высшаго мірского управленія“— проводилъ легкомысленный принципъ сибаритовъ и эпикурейцевъ-энциклопедистовъ. „Любо-

честіе, любоимѣніе и плотоугодіе,—филисофствовалъ онъ,—намъ отъ Творца всѣмъ вмѣстѣ съ душою вкоренены, а такъ какъ Богъ есть творецъ добра, то и все, что онъ сотворилъ, не иначе, какъ добромъ именовать можемъ“.

Такое матеріалистическое расширеніе понятія о добрѣ всегда увеличиваетъ политическое легковѣріе и легкомысліе. Это и тогда уже открывало дорогу для такъ называемой интеллигенціи и идейности.

„Блаженъ живущій иногда въ будущемъ! Блаженъ живущій въ мечтаніи“!—говорилъ въ свое время Радищевъ, когда еще и въ поминѣ не было мечтательнаго пролетаріата.

На немедленное перерожденіе человѣчества оптимистически смотрѣла Екатерина.

„Мы не сомнѣваемся о скоромъ исправленіи нравовъ,—писала она во „Всякой Всячинѣ“,—и ожидаемъ немедленнаго искорененія пороковъ“.

Но этотъ оптимизмъ опасенъ, каждый на свой образецъ исправляетъ нравы и искореняетъ пороки. Охотниковъ до этого ремесла всегда довольно. Это бывало во Франціи передъ революціею, какъ свидѣтельствуетъ Гриммъ.

„Теперь нѣтъ такого школьника,—говорилъ онъ,—который бы не проектировалъ, едва сойдя со школьной скамейки, новой системы государственнаго устройства; нѣтъ писателя,

который бы не считалъ себя обязаннымъ внушить земнымъ властямъ, какъ имъ лучше управлять своимъ государствомъ“.

Нѣчто подобное было, вѣроятно, тогда и въ Россіи, потому что подъ старость Екатерина стала подумывать о томъ, „чтобы впредь никому не разсуждать, о чемъ никто не смыслитъ, и никому не думать, что онъ можетъ весь свѣтъ исправить“.

На почвѣ идейности это обычное явленіе. Екатерина спохватилась поздно. Можетъ быть, къ этимъ выводамъ привела ее дѣятельность служившихъ при ней оберъ-прокуроровъ св. синода. Они были когда-то выраженіемъ ея идейности и вѣротерпимости въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Во всякомъ случаѣ, это были удивительные оберъ-прокуроры.

Фонъ-Визинъ разсказываетъ, какъ два унтеръофицера разсуждали при немъ о томъ, что Бога нѣтъ; они слышали это отъ синодальнаго прокурора Чебышева, который толковалъ объ этомъ предметѣ во всеуслышаніе въ гостиномъ дворѣ.

Въ 1767 году Мелиссино представилъ синоду, въ качествѣ оберъ-прокурора, „пункты, долженствовавшіе служить руководствомъ при составленіи депутатскаго наказа отъ синода. Въ пунктахъ указывалось, что синодальные члены могли бы предложить въ наказѣ: разрѣшить

раскольникамъ публично совершать богослуженіе, ослабить и сократить православные посты, очистить церковь отъ „суевѣрія“ и „всѣхъ притворныхъ чудесъ“, не носить по домамъ иконы, отмѣнить лишніе праздники и убавить что-нибудь „изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ“, установить чтеніе краткихъ молитвъ съ поученіемъ вмѣсто всенощныхъ и вечеренъ, дозволить епископамъ жениться, а всѣмъ вообще духовнымъ носить болѣе приличное платье; смягчить правила о разводѣ, о запрещеніи браковъ между родственниками и о бракахъ съ иновѣрцами; отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ. Синодъ предпочелъ отмолчаться отъ этихъ странныхъ предложеній и Екатерина не настаивала.

Подъ стать двумъ этимъ екатерининскимъ прокурорамъ былъ и министръ духовныхъ дѣлъ при Александрѣ I, князь А. Н. Голицынъ который въ „обрядовомъ благочестіи“, т. е. православіи, видѣлъ одно невѣжество.—

То, что теперь мы называемъ общественнымъ міросозерцаніемъ, „идейностью“, идеологіею,—въ XVIII в. носило имя „умоначертанія“. Отъ Петра до Екатерины новое „умоначертаніе“ книжнымъ и бумажнымъ путемъ выражали главнымъ образомъ — архіерей на всѣ руки Ѳеофанъ Прокоповичъ и ученый „полигисторъ“, Татищевъ. Но при Екатеринѣ

разверзлись хляби небесныя и для грядущей постановки идейнаго потока полились проливные дожди дешеваго вольнодумства и грубѣйшаго, чисто варварскаго матеріализма. Развращенная и легкомысленная, какъ всегда, интеллигенція того времени—куталась въ дырявый плащъ новаго циника-эпикурейца, Вольтера.

Впрочемъ, были люди, которые глубоко были убѣждены, что при новой идейности придется или утонуть, или плавать въ ковчегѣ.

Съ каждымъ годомъ революціонныя и оппозиціонныя мечты великой Екатерины тускнѣли и гасли. Энциклопедическій оптимизмъ смѣнялся недовѣрчивымъ пессимизмомъ. „Люди глупы и неблагодарны,—писала подъ старость она,—они сами не понимаютъ, въ чемъ ихъ прямое добро состоитъ“.

Но были люди болѣе серьезной мысли, лучшей логики, яснаго пониманія дѣла. „Уменьшились суевѣрія,—такъ кн. Щербатовъ подводилъ итоги освободительнаго движенія екатерининскаго образца,—но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; и нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ свою подпору, въ развратъ стали приходить“.

Обычная исторія всякой русской идейности!

X.

На великую бѣду православія и русскаго духовенства Александръ I, Благословенный, *былъ слишкомъ религіозенъ*. Онъ молился всѣмъ богамъ, кромѣ русскаго.

Въ своей пестрой и многоцвѣтной мистикѣ онъ сумѣлъ съютить несъютимое и всею тяжестью вѣротерпимости загналъ православіе въ какое-то подземелье. „Обрядовое благочестіе", т.-е. православіе, подверглось при немъ всестороннему и систематическому гоненію. Юродствовалъ министръ духовныхъ дѣлъ, богословствовали генералы изъ кантонистовъ, кривлялись пророчицы, въ аристократическихъ салонахъ, вельможи „радѣли" съ хлыстами и скопцами, все скакало, вертѣлось и искало новаго духа по ритуалу черной мессы или шабаша на Лысой горѣ.

Камергеръ Еланскій оскопился и представилъ государю докладъ о преобразованіи русскаго государства на началахъ скопчества. Новымъ скопческимъ кораблемъ государю предстояло управлять „по гласу небесному", а искупитель (оскопитель), Кондратій Селивановъ, бралъ на себя „аппробовать всѣ тайные совѣты", ибо „въ немъ полный небесный Духъ

Отцомъ и Сыномъ присутствуетъ". Себѣ Еланскій выговаривалъ команду надъ войскомъ.

Основатель общества духоносцевъ, отставной донской эсаулъ, Евлампій Котельниковъ, черезъ князя А. Н. Голицына. представилъ государю книгу „Начатки съ Богомъ остраго серпа". Свои собранія онъ называлъ здѣсь новою церковью духоносцевъ и предсказывалъ ей скорое распространеніе по всей вселенной; императора Александра представлялъ мужемъ этой церкви, Христомъ Господнимъ, который древнюю церковь истребитъ, какъ любодѣйцу, послѣ чего настанетъ тысячелѣтнее царство Христово на землѣ. Въ 1824 г. его арестовали, отдали на увѣщаніе Фотію, но скоро отпустили, давъ ему на дорогу пособіе съ тысячу рублей за ересь.

Началась „религія сердца", возсіяли масоны и мистики, иллюминаты и розенкрейцеры.

Въ Баденѣ Александръ I бесѣдовалъ съ знаменитымъ Юнгомъ Штиллингомъ о томъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ есть доля истины, но что ни одно изъ нихъ не выражаетъ универсальнаго идеала христіанства. Въ 1814 г. въ Лондонѣ онъ бесѣдовалъ съ квакерами о богопротивности войнъ, о внутренней молитвѣ, о ненужности для христіанства внѣшнихъ религіозныхъ формъ; онъ молился съ ними духовною молитвою, цѣловалъ руку ихъ старѣйшины, Аллена, и приглашалъ ихъ къ

себѣ въ Россію. Въ концѣ 1818 г. квакеры прибыли въ Петербургъ, молились во дворцѣ съ государемъ умною молитвою, дѣлали визиты духовнымъ властямъ и поѣхали къ духоборамъ и молоканамъ. Въ 1819 г. германскій пасторъ Линдль проповѣдывалъ въ мальтійской церкви своеобразную смѣсь мистицизма съ католичествомъ. Когда его удалили въ Одессу, на смѣну ему явился другой такой же проповѣдникъ, Геснеръ.

А какія диковинныя штуки происходили въ пресловутомъ Библейскомъ Обществѣ!

Его русское отдѣленіе открылось въ 1813 г. въ домѣ Голицына. Во главѣ дѣла стояли пасторы Патерсонъ и Пинкертонъ. Въ виду того, что общество имѣло въ виду издавать и славянскую библію, въ комитетъ были избраны въ званіи вице-директоровъ нѣсколько епископовъ, а въ званіи директоровъ архимандритъ и протоіерей; въ тѣхъ же званіяхъ въ комитетѣ засѣдали представители католическаго, уніатскаго и протестанскаго духовенства, подъ общимъ предсѣдательствомъ свѣтскаго лица кн. Голицына. Общество, конечно, ставило себя выше всѣхъ и всякихъ церквей и исповѣданій, въ томъ числѣ и православной, считая ихъ неполными, узкими и болѣе или менѣе искаженными формами универсальнаго христіанства. Англійскіе агенты надѣялись, что Библейское

Общество, „открывая греческой церкви ея собственныя заблужденія, оплодотворитъ ея вѣру“ и скоро произведетъ въ Россіи „реформацію“. о которой-де помышляетъ и самъ Государь.

Кн. Голицынъ, обратившійся къ религіи нѣсколько раньше государя,—замѣчаетъ и Знаменскій,—со всѣхъ сторонъ окружилъ себя мистиками всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, сталъ покровительствовать всевозможнымъ ложамъ и при всей искренности своего благочестія, причинялъ церкви гораздо больше тревогъ, чѣмъ даже тѣ, которые не обращали на религію ни какого вниманія“.

Когда при Александрѣ I Кондратій Селивановъ, скопческій Саваоѳъ, входилъ въ великосвѣтскіе салоны на торжественныя „радѣнія“, его называли Богомъ, а онъ, махая бѣлымъ батистовымъ платкомъ, говорилъ: „покровъ мой святой надъ вами“.

На бѣду русской церкви два знаменитыхъ генерала того времени, — адмиралъ Шишковъ (по должности министра внутреннихъ дѣлъ) и Аракчеевъ (по собственному побужденію)—рѣшились непоколебимо защищать чистоту православія отъ искаженія ея православными архипастырями. Они заподозрѣли православіе Филарета, митрополита Московскаго, и распорядились не выпускать въ свѣтъ его катихизисъ.

„Въ отношеніи г. министра народнаго просвѣ-

щенія,—писалъ Филаретъ,—символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, а молитвою. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ. И съ какимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ себѣ судъ надъ св. синодомъ! Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!

Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь!

XI.

Здѣсь, на царствованіи Александра I, мы и остановимся. Здѣсь обычная остановка для каждаго опыта систематическаго курса русской церковной исторіи. Пока были

> Дѣла давно минувшихъ дней,
> Преданья старины глубокой.

То была — исторія. Дальше начинается политика. Дорога становится уже и опаснѣе. Но по разсказамъ дѣдовъ и отцовъ и по личнымъ наблюденіямъ мы знаемъ, что гоненіе на православіе и русское духовенство, — какъ бы ни были красны и сладки сверху рѣчи терпимости и гуманности,—на самомъ дѣлѣ не прекращалось, не прекращается и, судя по нѣкоторымъ

заявленіямъ въ распущенной первой Государственной Думѣ, не только не прекратится, но возсіяетъ, затмевая память прямолинейной Бироновщины.

Дальше и мы не пойдемъ. Да и ненужно. Мы имѣемъ слишкомъ достаточно матеріаловъ, чтобы на фактической почвѣ дать отвѣтъ, который теперь насъ занимаетъ, и который мы поставили въ заголовкѣ нашей работы.

Почему молчало и молчитъ наше духовенство?

Потому же, почему молчалъ и молчитъ и русскій мужикъ. Потому, что ему не давали и не даютъ говорить.

Почему же имъ говорить не давали?

Потому, что на протяженіи двухъ вѣковъ общество и правительство искали себѣ политической опоры вездѣ и гдѣ имъ было угодно, только не въ русскомъ мужикѣ.

Потому, что общество и правительство на протяженіи двухъ вѣковъ искали для себя духовной опоры вездѣ и гдѣ имъ было угодно, только не въ православіи и не въ русской церкви.

Это такъ ясно, просто и очевидно, что едва ли кто найдетъ хоть одно путное и разумное возраженіе противъ этой непререкаемой исторической и бытовой истины.

Дворянство не молчало и не молчитъ, потому что оно стояло надъ народомъ и шло безъ народа.

Духовенство молчало и молчитъ потому, что оно было гонимо и угнетаемо съ народомъ и въ народѣ.

О „мыслящей Россіи“, т.-е. о разночинцахъ вольныхъ профессій, предшественникахъ и буревѣстникахъ нынѣ бунтующаго и бушующаго пролетаріата, говорить, конечно, не приходится: за все время она была гдѣ-то „на странѣ далече“, питалась гдѣ-то на чужой сторонѣ такъ, какъ питался въ послѣдніе мѣсяцы и недѣли блудный сынъ—у чужого корыта, домой еще не возвращалась и, повидимому, никогда не возвратится.

И настали наши—смѣха и слезъ достойные дни! Началось освободительное движеніе! Подъ палящимъ и изсушающимъ дыханіемъ какого-то новаго самума изъ идейной пустыни, передовые люди въ лихіе дни почувствовали, что они стали сверхъ-человѣками, что они переродились, что они выше существующаго строя, что они создали строй все еще несуществующій и даже невозможный, что они вообще поднялись выше предѣла земной возможности, что для нихъ ни божескій законъ природы, ни человѣческій законъ юридической нормы—не писанъ. Все потонуло въ какомъ-то хаосѣ. Надъ городской толпой заговорили мрачные и злобные духи идейной пустыни, потерявшіе голосъ, совѣсть и разумъ среди пыли и песковъ книжности, и ополчились на все живое и существующее.

Съ бомбой въ рукахъ они требуютъ отъ всѣхъ и отъ каждаго отнынѣ будто бы обязательнаго для всѣхъ оппозиціоннаго и революціоннаго голоса. Летучіе отряды революціонной организаціи убиваютъ людей, которые видятъ и понимаютъ безуміе революціи и освободительнаго движенія.

И эти люди ставятъ русскому духовенству вопросъ, зачѣмъ оно молчитъ и что оно сказать можетъ? Когда они спрашиваютъ, зачѣмъ ты молчишь, и какъ ты говоришь, — дѣло въ сущности ставится о жизни и смерти. Если ты съ нами,—вотъ тебѣ красная тряпка и бомба въ руки. Если не съ нами,—вотъ тебѣ одна бомба, но не въ руки, а подъ ноги.

И духовенству за послѣдніе два вѣка не первый разъ приходится съ дуломъ у виска отвѣчать на этотъ вопросъ, вызывающій или на мученичество, или на отступничество.

И среди духовенства нашлись люди, которые—незванно, непрошенно—ринулись въ первые ряды вооруженнаго пролетаріата, заявили, что Христосъ всегда былъ революціонеромъ, другомъ только блудницъ, воровъ и разбойниковъ, что онъ благословляетъ пролитіе чужой крови ради торжества кадетовъ на политической аренѣ, что „христіанство не удалось“. Враги существующаго строя, они провозглашали какое-то несуществовавшее и несуществую-

щее христіанство, только Христово, но отнюдь не апостольское и, конечно, не соборное.

Они мечтали—о сверхъ-христіанствѣ и сразу же, съ перваго шага „туманы“ Леонида Андреева опустились на горько-максимовское „Дно“ и оттуда стали кричать, что опустившійся „человѣкъ—это звучитъ гордо“.

И въ думѣ, и въ періодической печати громко зашумѣли эти іереи по попущенію Божію, но духовенство—*молчало*. Эти іереи говорили только за себя и себѣ и, превосходя кадетовъ въ надменной гордости, заявляли, будто бы ихъ слово—воля Бога и голосъ Христа.

Такъ и осталось открытымъ вопросомъ, какое имъ дѣло до христіанства. Ряса имъ только мѣшаетъ. Имъ было бы легче во фракѣ адвоката, или въ пиджакѣ журналиста.

Когда православные пастыри, принимая участіе въ преніяхъ объ амнистіи и политическихъ убійствахъ, витійственно и съ какимъ-то даже нечистымъ „помазаніемъ“, обнажали свою совѣсть, заявляя, что они все еще не рѣшили вопроса, что имъ дѣлать,

Идти ли въ храмъ молиться Богу,
Иль въ лѣсъ прохожихъ убивать,—

говорило не духовенство, а о.о. Поярковы и Афанасьевы. Они говорили, они и въ отвѣтѣ. Духовенство, какъ духовенство, здѣсь не причемъ.

Но лукавъ и сбивчивъ языкъ современной политики!

Духовенство молчало и молчитъ. Правда ли это? Кто же за эти два вѣка училъ народъ вѣрѣ и правдѣ Божіей? Духовенство и одно только духовенство.

Кто сберегъ народную вѣру въ долгіе годы крѣпостного права, когда помѣщики то побоcали съ расколомъ и православіе по упрощенной манерѣ Великаго Петра и его помощниковъ, то рвали ноздри и ссылали на галеры непокорнаго и „молчаливаго“ попа по рецепту Бирона, то, со словъ Вольтера и Екатерины, смотрѣли на мужика, какъ на вьючный скотъ, которому нужны только кнутъ да сѣно, то съ помощью квакеровъ, піэтистовъ и мистиковъ сѣяли сѣмена молоканства и духоборчества, принимали участіе въ радѣніяхъ хлыстовъ и въ скопцѣ Селивановѣ видѣли подлиннаго Саваоѳа, то гнали и преслѣдовали „обрядовое благочестіе“, то шли дорогой атеизма, матеріализма, нигилизма, ницшеанства, пока не стали „кающимися дворянами“, которые, чтобы заплатить народу свой неоплатный долгъ, стали въ ряды вооруженнаго пролетаріата, который,—напримѣръ, устами г. Ленина, — собирается пригласить на общее дѣло арміи международныхъ пролетаріевъ, чтобы истребить въ Россіи классъ „мелко-буржуазныхъ собственниковъ“,

т.-е. мужиковъ, когда вооруженное крестьянство“ поможетъ имъ сокрушить прочій и остальной существующій строй?

Кто удержалъ мужика и деревню отъ бунта и мятежа въ 1861 году, когда вся „мыслящая Россія“ мужицкую волю понимала только въ проявленіяхъ будто бы неизбѣжнаго всеобщаго разгрома и когда своимъ младенческимъ страхомъ пыталась парализовать дѣло великой реформы?

За все это время съ мужикомъ былъ только попъ и никого другого, кромѣ попа, съ мужикомъ не было. Помѣщики ждали бунта, а земскіе врачи, земскіе учителя, учительницы фельдшерицы и акушерки въ народъ еще не ходили.

Значитъ, духовенство и прежде не молчало, и теперь не молчитъ.

Отъ чего же въ наши дни его постоянная и непрерывная проповѣдь считается нѣмотою? Какихъ словъ и рѣчей отъ него требуютъ? О чемъ и что именно оно должно говорить? Какой новый мандатъ готовитъ ему новое правительство изъ кавказскихъ джигитовъ, неукротимыхъ ушкуйниковъ и симбирской понизовой вольницы?

Вопросъ, значитъ, вовсе не въ молчаніи и въ томъ, что и какъ надо говорить, чему и какъ учить народъ, покориться ли новой власти

и радикально повернуть курсъ, или остаться при „русскомъ Христѣ“, котораго г. Мережковскій именуетъ Іудою и антихристомъ?

Вотъ простой и ясный смыслъ узорной и увертливой газетной и журнальной политики, новаго крестоваго похода на русское духовенство.

Но, отодвинувъ пока въ сторону этотъ вопросъ по его существу, остановимся на одной подробности, но подробности крупной и серьезной.

До сихъ поръ духовенство говорило только съ народомъ и для народа. Теперь сама жизнь требуетъ, чтобы духовенство, не забывая своей первой и главной обязанности въ своемъ приходѣ говорить съ каждымъ прихожаниномъ, говорило объ интеллигенціи и для интеллигенціи.

Говорю: жизнь требуетъ, и имѣю въ виду вотъ что. Дидро и, съ его словъ, Болтинъ могли умствовать и болтать о государственной пользѣ поповскаго невѣжества, могли радоваться приниженности и молчаливости русскаго духовенства: руки у нихъ были коротки,—Екатерина изъ политики все же цѣловала благословляющую руку митрополитовъ и епископовъ. Но теперь этой обороны нѣтъ. Новая власть хочетъ идти своей дорогой. Она прямо говоритъ: долой духовенство!

Прежде, чѣмъ съ прежнимъ безмолвіемъ уступить свое мѣсто, не слѣдуетъ ли прервать долгое, хотя и относительное, „молчаніе“ и сказать что-нибудь въ защиту своего права на существованіе? Вѣдь на судѣ и подсудимому дается „послѣдніе слово“ передъ окончательнымъ приговоромъ случайныхъ присяжныхъ или коронцаго суда.

Крестьяне въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ рѣдко пользуются этимъ своимъ правомъ. Они говорятъ слишкомъ на своемъ языкѣ и не понимаютъ юристовъ,—юристы говорятъ слишкомъ на своемъ языкѣ и не понимаютъ подсудимыхъ. Здѣсь смѣшеніе языковъ, какъ послѣ вавилонскаго столпотворенія.

Въ судебныхъ процессахъ духовенства и интеллигенціи этого средостѣнія нѣтъ. Стороны отлично понимаютъ другъ друга и разноязычіе не можетъ быть поводомъ для идейно-административнаго рѣшенія дѣла.

Интеллигенція требуетъ, чтобы духовенство говорило съ нею на ея идейномъ языкѣ. Въ правѣ ли она, или не въ правѣ предъявлять такое требованіе—вопросъ по нашимъ временамъ чисто академическій: всѣ ищутъ правъ и законности и всѣ попираютъ всякія права и всякую законность. Но въ этотъ вопросъ замѣшано слишкомъ много практическихъ интересовъ, поэтому вопросъ можно бы формулировать такъ: слѣдуетъ ли въ настоящій исторический моментъ говорить духовенству съ интеллигенціей и для интеллигенціи и на ея языкѣ? И созрѣло ли для этого время?

По моему глубокому убѣжденію, время созрѣло,—говорить слѣдуетъ и необходимо.

Откровенно и заранѣе говорю, что ни малѣйшей возможности какого-либо соглашенія или примиренія между двумя враждующими сторонами я не вижу, но это не мѣшаетъ мнѣ настаивать на своевременности и цѣлесообразности откровеннаго и прямодушнаго объясненія. И дѣло надо поставить на строго практическую и дѣловую почву. Въ храмахъ Ѳемиды чувства и намѣренія не имѣютъ достаточной убѣдительности. Тамъ дѣло рѣшаютъ разумъ и доказательства. Сны и утопіи на мѣстѣ только въ идейной беллетристикѣ. Судъ требуетъ фактовъ, документовъ и свидѣтельскихъ показаній.

Отсюда возникаетъ рядъ практическихъ и дѣловыхъ вопросовъ. Съ кѣмъ именно приходится вести борьбу? Съ какимъ багажомъ явится на судъ противная сторона? Что есть у насъ, что мы могли противопоставить ея интендатству и ея артиллеріи? И какими средствами лучше всего можно обезпечить свободу и значеніе средствъ и орудій самозащиты.

Попробуемъ дать нѣсколько справокъ и соображеній по этимъ вопросамъ, волею судьбы и русской идейности поставленнымъ на очередь.

XII.

Что написано на знамени мнимо „мыслящей Россіи“? Къ чему она пришла въ концѣ своего шумнаго и сомнительнаго „развитія“? Съ чѣмъ она стоитъ у порога XX вѣка? Она хвалилась и гордилась своимъ отрицаніемъ и разрушеніемъ. Но вѣдь это дѣло дикихъ вандаловъ и аллановъ. Гдѣ ея положительные идеалы?

Ихъ нѣтъ. Ихъ замѣняютъ свободы. И все это „свободы отъ“..., а не „свободы для“... Свободы, только какъ отрицательныя величины какъ силы протеста.

Положительные идеалы замѣнены тремя логическими фикціями.

Текущая философія современной интеллигенціи покоится на трехъ китахъ. Это—монизмъ, прогрессъ и одинаковость законовъ историческаго развитія для всѣхъ племенъ и народовъ.

Эти слова и понятія — не новы. Ихъ знали и слышали и наши дѣды. Но тогда они имѣли другой смыслъ, отмѣчали надежды и упованія мыслителей на далекое будущее.

Теперь—они совсѣмъ не то, чѣмъ были когда то. При общемъ паденіи умственнаго и нравственнаго уровня они обросли мохомъ и окаменѣли. Но и этотъ новый смыслъ ихъ — на западѣ

одинъ, а у дикарей нашей русской идейности совсѣмъ другой.

Философскій монизмъ, какъ логическій терминъ, какъ принципъ единства въ познаніи, вовсе не соціологическій и политическій монизмъ теперешняго запада, терминъ практическій, принципъ мнимаго единства въ жизни.

Что же такое теперешній западный монизмъ въ теоріи и въ жизни, въ мечтѣ и реальности? Какого монизма ждетъ германско-романскій монизмъ отъ человѣчества?—И будемъ различать: одно дѣло — логическій монизмъ въ мышленіи, другое — монизмъ въ міровой политикѣ. Если философскій монизмъ выросъ на почвѣ раціонализма, то космополитическій монизмъ выросъ изъ идеи міроваго господства, т.-е. изъ стремленія части замѣнить собою цѣлое.

Двѣ враждебныхъ стороны стоятъ другъ противъ друга,—одна съ мечемъ въ рукахъ, съ наукою и культурою, другая безоружная и безправная, „темная и невѣжественная“.

Уже по самому расположенію враждующихъ сторонъ исходъ борьбы виденъ. По логикѣ и психологіи западнаго раціонализма свѣтъ науки долженъ одолѣть мракъ обскурантизма: „темное и невѣжественное“ надо выварить въ феодальномъ, католическомъ, школьномъ, капиталистическомъ и конституціонномъ котлѣ. Соглашеніе и единство возможно только подъ тѣмъ един-

ственнымъ и непремѣннымъ условіемъ, чтобы цѣлое приняло характеръ болѣе активной, лучше вооруженной и ничѣмъ не поступающейся части. Вотъ заповѣдная психологическая тайна однобокаго и тощаго, деспотическаго и насильственнаго теоретическаго монизма. Этого монизма можно достигнуть только послѣ полной побѣды, послѣ долгой, упорной и кровавой борьбы.

Этотъ монизмъ—теоретическое отраженіе безграничнаго, не стѣсняющагося въ выборѣ средствъ, безпощаднаго и безстыднаго эгоизма, строющаго свое благополучіе на развалинахъ чужого счастья, на чужой бѣдѣ. Не этимъ ли объясняется торжество на западѣ грубо языческихъ, во всемъ несовмѣстимыхъ съ христіанствомъ доктринъ эвдемонизма и утилитаризма и всѣхъ идеологическихъ проявленій эгоизма и личнаго произвола?

Все прочное, устойчивое, созрѣвшее въ вѣкахъ, должно быть уничтожено и стерто, разъ оно становится на дорогѣ этого кровожаднаго Молоха нашихъ дней, односторонняго монизма, не знающаго границъ своей притязательности. Всякій старый обычай, всякую форму общенія надо сломать и выбросить, какъ негодный историческій хламъ, потому что онъ мѣшаетъ части занять мѣсто цѣлаго. Всякое различіе, всякая индивидуальность, всякая самобытность—

до нѣкоторой степени знамя мятежа и протеста, зерно новыхъ возможныхъ осложненій и разногласій.

Развѣ не въ этомъ реальный корень западнаго монизма, западной философіи и метафизики? И не въ этомъ ли единственно возможное оправданіе того отрицанія и того разрушенія, которое проповѣдуется западомъ, какъ залогъ побѣды свѣта надъ тьмою, науки надъ обскурантизмомъ, невѣрія надъ „суевѣріями и предразсудками“? Всѣ люди одинаковы или должны быть одинаковы, т.-е. во всемъ, въ жизни и мышленіи, въ инстинктахъ духа и совѣсти, должны уподобиться той части государства и народа, у которой лучше оружіе и которой всѣми правдами и неправдами удалось получить перевѣсъ въ государственной или имперской политикѣ. Развѣ это не идеологія права кулака и права сильнаго?

Но борьба идетъ медленно и дни полной побѣды приходятъ не скоро. Монизмъ, какъ маякъ надъ грудой острыхъ камней и опасныхъ скалъ и мелей, стоитъ далеко и къ нему пока можно добраться только въ утлой лодочкѣ эволюціи и дифференціаціи, разложенія и анализа. Разложеніе, измѣняемость, подвижность, разобщенность — непремѣнныя условія всякаго прогресса, ибо только такимъ путемъ часть можетъ сломить сопротивленіе цѣлаго, распылить

его и изъ этой почти мертвой пыли и глины создать новаго человѣка по образу и подобію своему, т.-е. сдѣлать изъ поморянина пруссака.

Но разлагаться и распыляться должны всѣ части населенія, кромѣ одной, которая высоко держитъ знамя монизма и, разрушая и отрицая все, сама не подлежитъ ни разрушенію, ни отрицанію. Это сокъ и цвѣтъ человѣчества, судьбою предназначенный къ дѣлу господина и повелителя человѣчества, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ послѣднія слова науки и нелицемѣрный голосъ этого человѣчества, почему-то очень чувствительнаго къ „экспедиціямъ внутрь страны", концентраціоннымъ лагерямъ и къ экзекуціоннымъ набѣгамъ.

На этой почвѣ создается неукротимая ненависть ко всѣмъ сложившимся формамъ жизни, стремленіе разрушить и уничтожить ихъ, чтобы потомъ замѣнить новыми, по своему вкусу и по своимъ шаблонамъ,—единственно истинное человѣконенавистничество, насколько вообще этому слову суждено имѣть смыслъ.

Въ раціонализмѣ, какъ логическомъ методѣ, столько же деспотизма и насильственности, сколько ихъ скопилось въ вѣковой исторіи германо-романскихъ народовъ,—той исторіи, отраженіемъ которой и является этотъ раціонализмъ.

Изъ этого источника раздвоенности вышла вѣкъ борьба германскихъ народовъ, такъ и опека надъ побѣжденными у народовъ романскихъ. Тамъ, гдѣ еще нѣтъ полной побѣды, борьба со всѣми ея спутниками, выводами и послѣдствіями. Тамъ, гдѣ побѣда полна, опека надъ „темнымъ и невѣжественнымъ" народомъ и вывариваніе его въ любомъ котлѣ. Любопытно, что наибольшую нетерпимость и пламенный фанатизмъ въ примѣненіи этой опеки проявляютъ подъ лукавымъ лозунгомъ свободы соціалисты и коммунисты, которые сулятъ человѣческому роду невѣроятное благополучіе, если онъ будетъ слушаться ихъ, какъ слушались своихъ наставниковъ питомцы іезуитскихъ школъ,—perinde ac cadaver, какъ трупъ, безъ своей личной мысли и совѣсти.

Какъ Римъ хотѣлъ дать церкви единство, отнявъ у нея свободу, такъ и западные раціоналисты ставятъ ту же цѣль и намѣчаютъ то же средство.

Дать торжество одной части надъ цѣлымъ— развѣ не въ этомъ смыслъ классовой борьбы? И развѣ не въ этомъ смыслъ всей исторіи запада?

Въ концѣ концовъ раціонализмъ, какъ мнимонаучное оправданіе права побѣдителей на личобезность и совѣсть побѣжденныхъ, подлежащихъ личенію, выливается въ опредѣленное и категорическое отрицаніе жизни ради теоріи. Отсюда можно бы пустить новое слово „жизненена-

вистничество", въ которомъ было бы гораздо больше реальнаго смысла, чѣмъ въ словѣ „человѣконенавистничество".

Не естественно ли, что при такомъ строѣ мышленія является стремленіе теоретически оправдать всякую личную выгоду и страсть? Не является ли при этомъ необходимымъ выводомъ то безстыдное ученіе, что въ семьѣ народовъ есть прирожденные рабы и прирожденные господа и что народы мнимо-низшей расы должны служить навозомъ на культурныхъ нивахъ народовъ высшей расы?

Когда западъ принципы своей внутренней политики переноситъ на дѣла политики внѣшней или, точнѣе, колоніальной, онъ себѣ не измѣняетъ и такъ же ищетъ господства надъ человѣчествомъ, какъ искалъ господства сперва въ племенной, а потомъ классовой борьбѣ. Колоніальные же интересы Европы начинаются, какъ извѣстно, у береговъ Нѣмана.

XIII.

Не отъ этой плоти плоть и не отъ этихъ костей кость—русская интеллигенція. Дряблая и лѣнивая, безсильная и безвольная, она увлеклась чужой мечтой,—захотѣла, какъ ребенокъ,

щеголять въ тяжелыхъ доспѣхахъ взрослаго и проявить въ своей мысли и дѣятельности тотъ же характеръ, который проявили герои западной культуры и западной цивилизаціи. Свое дѣтское безсиліе и высокомѣрное безсиліе онъ пыталась оправдать жалкимъ и безтолковымъ софизмомъ: въ теоретическомъ и реальномъ манизмѣ запада сказался характеръ и темпераментъ не романо-германскихъ народовъ, а характеръ всего человѣчества. Это не часть, а цѣлое. Это не относительная величина, а абсолютная. Этотъ жалкій софизмъ и былъ поворотнымъ пунктомъ въ сторону текущаго идейнаго помѣшательства.

Какъ же смотритъ на дѣло русскій монизмо?

Часть займетъ мѣсто цѣлаго. И это случится именно потому, что народы запада за все время своего существованія дѣлали не свое дѣло, а дѣло всего человѣчества по единымъ вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ прогресса и эволюціи.

И чудная, полная необыкновеннаго трагизма, неугомонной и кипучей жизни, страстныхъ увлеченій и порывовъ, великихъ побѣдъ и великихъ заблужденій, всемірно-историческая драма окутывается казарменно-сѣрымъ, склизкимъ и липкимъ туманомъ. Въ побѣдахъ запада нѣтъ его подвига, нѣтъ заслуги. За него все сдѣлали прогрессъ и эволюція. Да и то ли они еще

сдѣлаютъ! На западѣ нѣтъ ошибокъ и нѣтъ заблужденій. Прогрессъ за шиворотъ тащитъ человѣчество впередъ и, сколько бы оно ни упиралось, притащитъ его въ какія-то „свѣтлыя области идеала". Западъ не могъ не сдѣлать того, что онъ сдѣлалъ, потому что таковы неизмѣнные законы историческаго развитія всякаго народа.

Дѣло представляется прямо шиворотъ-навыворотъ. Западъ сшилъ себѣ теоретическій сюртукъ по своей осанкѣ и по своей фигурѣ и создалъ новую моду. Наши нигилисты подумали, что всѣ народы всегда такіе же сюртуки носили и что это покрой не западный, а общечеловѣческій. Строгость запада не пропала даромъ. Люди и народы въ исторіи и жизни, въ мышленіи и одеждѣ должны быть одинаковы, т.-е. подобны мнѣ, — говоритъ западъ. Аминь: такъ было, такъ есть и такъ будетъ,—автоматически и покорно отвѣчаютъ русскіе нигилисты.

Только на почвѣ русскаго нигилизма и могъ явиться этотъ дремучій фатализмъ, достойный странъ магометанскаго востока. Реальная жизнь говоритъ имъ изъ году въ годъ, что тамъ, гдѣ образованные классы народа заняты праздной болтовней и по уши погрязли въ безжизненной схоластикѣ, прогрессъ останавливается, эволюція начинаетъ вертѣться въ противоположную

сторону, общество дичаетъ, отъ дикарей беретъ уроки босяческой жизни „на днѣ", теряетъ стыдъ и совѣсть и превращается въ жалкое стадо трусливыхъ барановъ. Но они этого не видятъ, ибо слѣпо и глухо, какъ и подобаетъ баранамъ, вѣруютъ во всемірное братство народовъ, въ прогрессъ и эволюцію, въ единство законовъ историческаго развитія.

Суровое величіе скорбной и строгой драмы запада принимаетъ у нихъ значеніе какого-то пустяка, мелочи, недостойной напряженной вдумчивости и полнаго вниманія. Безтолковая вѣра въ пушки и броненосцы запада будто бы даетъ имъ право предаваться сантиментальнымъ „мечтамъ и страстямъ" и самой постыдной лѣни подъ сѣнью мечтательнаго обскурантизма. Но пушки стрѣляютъ подъ любымъ небомъ и броненосцы ходятъ по любому морю. У того, у кого вся надежда на совершенство европейскаго вооруженія, нѣтъ и не можетъ быть надежды, достойной осуществленія въ жизни.

Изъ живой и реальной жизни сдѣлана метафизическая сказка про бѣлаго бычка, которой съ истинно младенческимъ увлеченіемъ и легковѣріемъ внимаютъ старцы и юноши нигилистической мысли и совѣсти. Метафизика и статистика заволокли туманомъ истинныя очертанія дѣйствительной жизни и лунатики въ причудливыхъ грезахъ нигилизма бродятъ по

краю крыши, не видя подъ собою бездны. Они изъ сухого тумана создали себѣ мертвыхъ кух миров и лежатъ у ихъ подножія, какъ дикари, мысль которыхъ парализована паническимъ ужасомъ. Со всѣхъ сторонъ на безголовую толпу сыплются какіе-то нелѣпые, почти нечленораздѣльные звуки и каждая изъ этихъ нелѣпостей носитъ имя послѣдняго слова науки.

А жизнь запада полна великихъ поученій и глубокаго смысла. Не винить его надо за увлеченія и ошибки, ибо это совершенно праздное и ненужное дѣло, да и дѣло не наше. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ", — сказалъ единственный Судія міру и народамъ. Но дѣло здороваго разума и отзывчивой совѣсти учиться по чужимъ заблужденіямъ и ошибкамъ правдѣ жизни, чтобы по неопытности не повторить этихъ ошибокъ. Но для этого нужно честное и мужественное сердце, неомраченный разумъ и непоколебимая вѣра. Для этого нужна честность мысли, которая возможна только тамъ, гдѣ есть честность жизни, честность отношеній къ своему народу и къ своимъ ближнимъ.

Только тотъ, кто умно и толково дѣлаетъ свое дѣло, можетъ оцѣнить мастерство другого. Тотъ же, кто весь отдался „страстямъ и мечтамъ", никому и ни въ чемъ не судья. Его похвала ничтожна и не имѣетъ цѣны, какъ и его порицаніе и осужденіе. Онъ лишній въ

жизни, хотя бы онъ былъ главнымъ жрецомъ передъ деревяннымъ болваномъ надуманнаго человѣчества. Изъ холопскаго усердія въ похвалахъ западу, онъ обкрадываетъ и обезличиваетъ западъ, представляетъ его жалкимъ и ничтожнымъ, игрушкою слѣпой судьбы, безвольнымъ рабомъ какихъ-то будто бы неизмѣнныхъ и постоянныхъ законовъ историческаго развитія.

XIV.

Къ западному понятію о монизмѣ, прогрессѣ и эволюціи — русскіе западники всегда пристегиваютъ двусмысленное и сомнительное понятіе о стихійности. Нельзя не дивиться тому, до какихъ нелѣпыхъ выводовъ доводитъ нелѣпое пониманіе на самомъ дѣлѣ простыхъ и ясныхъ терминовъ. Человѣкъ становится совершенно безотвѣтственнымъ за свою дѣятельность, за свой разумъ и за свою волю.

Что хотѣлъ сказать западъ въ понятіи о стихійности? Я люблю работать, хочу работать, умѣю работать, пока хватитъ силъ. Эту общую форму онъ, примѣняясь къ племеннымъ особенностямъ своего характера, выразилъ и болѣе реально: я хочу бороться, умѣю бороться и буду бороться. Стихійность — это непоколебимая вѣра запада въ прочность

и устойчивость своего психическаго строя, своихъ наслѣдственныхъ навыковъ и привычекъ.

Необыкновенно забавное и комическое впечатлѣніе производитъ превращеніе этой западной живой и умной формулы въ сакраментальныя формы русской нигилистической стихійности. Я не люблю работать, не хочу работать, не умѣю работать и не буду работать, потому что за меня все сдѣлаютъ прогрессъ и эволюція. На западѣ прогрессъ, какъ свое собственное и личное дѣло, логически и практически требовалъ работы. У насъ онъ, поднятый на высоты метафизической всеобщности, съ логическою необходимостью велъ къ фатализму и квіетизму. Когда человѣкъ дѣло своего народа перестаетъ считать общечеловѣческимъ дѣломъ, онъ, какъ лишній и ненужный дома и внѣ дома, логикою фактовъ и принциповъ осужденъ на абсолютную праздность и поэтому не можетъ не предаваться мечтательному кейфу, развлекаясь время отъ времени нигилистическимъ отрицаніемъ и платоническимъ разрушеніемъ. Для мысли нѣтъ цѣли, для совѣсти—нѣтъ нормы и контроля, надъ жизнью—нѣтъ идеала. Все въ мірѣ—ничтожно и недостойно усилій. Жизнь бѣдна и скупа. Она „не удалась“. Праздный умъ на нигилистическомъ просторѣ лбомъ, какъ Скотининъ ворота, прошибаетъ небо, окидываетъ его съ ироніею нигилиста метафизическимъ взоромъ и съ этой абсолютной высоты кричитъ на землю, что небо пусто, что въ небѣ, какъ и на землѣ, идеала нѣтъ, что единственный истинный и общедоступный идеалъ помѣщается въ человѣческой утробѣ, въ которой совмѣщается все, достойное желаній,—небо и рай, правда и совѣсть, счастье и наслажденіе. Хитрое животное, человѣкъ, созданъ для земли, а не для неба и ни къ чему высокому не призванъ.

XV.

Русскій безкрылый, но поверхностный монизм-любитъ забираться на такія высокія колокольни и вышки, съ которыхъ люди и дѣла людскія кажутся совершенными пустяками, все сливается въ одну сѣрую массу и всякое различіе пропадаетъ. Страховъ въ свое время попробовалъ подвести итоги этому легкомыслію, слѣпому на различіе, и по лѣности алчущему единства и тожества во всемъ.

„Между Богомъ и природою нѣтъ разницы. Богъ есть природа, олицетворенная человѣческою фантазіею.

„Между духомъ и матеріею нѣтъ разницы. Душа есть нѣкоторая дѣятельность матеріи.

„Между организмами и мертвыми тѣлами нѣтъ разницы. Организмы суть созданія физическихъ и химическихъ силъ.

„Между животными и растеніями нѣтъ разницы. Чувствительность и такъ называемое произвольное движеніе суть явленія рефлексовъ, совершающіяся механически.

„Между человѣкомъ и животными нѣтъ различія. Душа есть нѣкоторая дѣятельность тѣла.

„Между мужчиною и женщиною нѣтъ различія. Женщина есть какъ бы безбородый мужчина меньшаго роста, чѣмъ обыкновенно бываютъ мужчины.

„Между нравственностью и стремленіемъ къ счастью нѣтъ различія. Нравственно то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

„Между искусствомъ и наукою нѣтъ различія. Прекрасно только то. что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

„Между искусствомъ и наукою нѣтъ различія. Искусство есть только особая форма для популяризаціи истинъ науки“.

Этотъ торжествующій гимнъ невѣжественнаго единства и безграмотнаго тожества пополняется чуть не каждый день новыми и новыми куплетами.

Уже давно говорятъ, что между народами въ ихъ историческомъ развитіи нѣтъ разницы и всѣ живутъ одинаковою жизнью.

Трудовики съ Кавказа еще недавно говорили, что между татарами и армянами нѣтъ различія: рѣжутъ другъ друга совершенно одинаково.

Но, когда они попробовали сказать, что между русскими и инородцами нѣтъ различія по вопросу объ упраздненіи правъ частной собственности, инородцы стали энергично протестовать и мнимое тожество оказалось мыльнымъ пузыремъ.

И нельзя сказать, что между монизмомъ на западѣ и монизмомъ у насъ—нѣтъ различія, хотя невѣжественные властители русскихъ думъ очень и очень претендуютъ на это.

Различій нѣтъ, вездѣ сходство. На этой почвѣ слагается и растетъ самый метафизическій изъ всѣхъ инстинктовъ въ умозрительной области,—это неукротимое стремленіе къ монизму, къ единому всеобъемлющему и всепроникающему принципу, который въ одномъ фокусѣ совмѣстилъ бы въ себѣ полноту человѣческаго познанія. Несомнѣнно, что это одинъ изъ благороднѣйшихъ инстинктовъ человѣческаго духа. Онъ, конечно, имѣетъ свою логику. Чистымъ и пламеннымъ лиризмомъ овѣяны въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта страницы, посвященныя именно этому,—по его терминологіи, архитектоническому,—интересу чистаго разума. Но это идеалъ, котораго еще никогда не видало человѣ-

чество. Иногда казалось, что Аристотели и Гегели достигали этого идеала и на долгое время оставались властителями думъ въ высокомъ и точномъ смыслѣ этого нынѣ затасканнаго термина. Но время шло, жизнь вырывалась изъ-подъ рубрикъ и категорій этого монизма, открывала все новыя и новыя различія, которыя требовали для себя новыхъ и совершенно другихъ обобщеній, и тронъ короля философовъ снова оставался вакантнымъ.

Но вѣдь это Аристотели, Канты и Гегели. Ихъ въ исторіи—немного. Цѣлыя поколѣнія образованныхъ и ученыхъ людей сходили въ могилу, не выдвинувъ изъ своей среды великихъ мастеровъ обобщающей мысли. Что же можетъ представить изъ себя интеллигентное поколѣніе, которое все—почти поголовно—состоитъ изъ метафизиковъ? Кто будетъ дѣлать жизнь? Кто отразить *эту* жизнь въ сознаніи? Что если „передовые умы“, публицисты и фельетонисты проникнутся гордымъ убѣжденіемъ, что

Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ:
Они не созданы для міра
И міръ былъ созданъ—не для нихъ?

А именно такъ о себѣ и помышляютъ наши доморощенные метафизики.

Монизмъ имѣетъ свою логику, по своему очень убѣдительную. Только вся бѣда этого монизма заключается въ томъ, что возможность его осуществленія—дѣло будущаго, безконечно далекаго будущаго, а не прошлаго и настоящаго. Онъ имѣетъ и свою психологію—и даже не одну. Жажда знать и понять все—по своему полна благородства, хотя многовѣковой опытъ доказалъ, что эта жажда еще долго, можетъ быть до скончанія дней, будетъ томить людей пылкой мысли, раціоналистовъ по самому складу своего ума.

Но для монизма есть и другая психологія, попроще и повульгарнѣе. Обобщенія можно дѣлать медленно, вдумчиво и осторожно. При этой работѣ возможны ошибки. Поэтому надо семь разъ отмѣрить и потомъ отрѣзать. И это, конечно, дѣло трудное и серьезное. Но эти же обобщенія можно дѣлать и на скорую руку. Можно, напримѣръ, минуя промежуточныя ступени семьи, общины, города, округа, государства, народа и, скажемъ, культурно-историческаго типа,—каждаго отдѣльнаго человѣка подвести подъ общее понятіе человѣчества и съ этой точки зрѣнія попробовать посмотрѣть на жизнь и исторію. Такой „огромный шагъ впередъ“ по силамъ, конечно, и гимназисту. А разъ кто шагнулъ на такую „вершину“,—больше и знать нечего, и учиться не надо.

Другими словами, склонность къ метафизическому монизму можетъ возникать изъ побужденій лѣности и неспособности къ серьезному умственному труду. Въ виду того, что не только на западѣ, но и у насъ до философскаго и научнаго монизма—далеко, можно думать, что именно эти послѣднія побужденія и сказались въ „быстрой смѣнѣ“ метафизическихъ идеаловъ нашей интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи каждый монизмъ очень удобенъ: при самомъ ничтожномъ напряженіи мыслительныхъ способностей, при самой ничтожной затратѣ труда, „передовой умъ“ становится всевѣдущимъ и пользуется всѣми выгодами и преимуществами этого званія.

Этимъ, конечно, и объясняется вѣра въ единственность и нескончаемость культуры германо-романской. Этимъ объясняется и то, что наша интеллигенція всѣмъ русскимъ готова жертвовать ради общечеловѣческаго.

На этой почвѣ все западное признается общечеловѣческимъ, а все „національное“ съ самою прямолинейною опрометчивостью предается анаѳемѣ.

XVI.

Дорога была найдена. Къ этой одной мысли сводится почти все содержаніе русской литера-

туры за полвѣка. Съ Грановскаго и Бѣлинскаго она не сдѣлала ни одного шага впередъ. Не нашла и новой логической оболочки. Ее трепали на всѣ лады, перетряхивали и переворачивали, но она одна оставалась догматомъ въ системѣ „вѣрованій и убѣжденій“ русской интеллигенціи. Сомнѣніе въ ней было ересью и хулою на „духъ времени“. Исключеній было немного, и люди, не склонившіе колѣнъ передъ этимъ фетишемъ, стоятъ въ нашей литературѣ особнякомъ.

И этому ученію нельзя отказать въ своеобразной логической стройности. Видовое понятіе подчиняется родовому по всѣмъ правиламъ схоластики. Но вся сила и слабость этого „ученія“ именно въ его метафизичности. Такого человѣчества, которое, отказавшись отъ всякой національной исключительности, жило бы общими интересами, не было, нѣтъ и, дастъ Богъ, не будетъ на нашей планетѣ. Нѣтъ и не было ни одного общечеловѣческаго генія. Конфуцій и Магометъ не „учителя жизни“ для Европы. Для китайцевъ даже Аристотель, авторитетъ для многихъ вѣковъ и для многихъ европейскихъ поколѣній, не существовалъ и не существуетъ. Это діалектическая игра съ отвлеченными понятіями. Вмѣсто живой жизни, вмѣсто живого общенія съ живыми людьми все общество отдало свою

совѣсть и свои думы метафизическимъ призракамъ съ ихъ мертвенною безсодержательностью. Больше половины вѣка длится что-то напоминающее средневѣковую схоластику. Смѣняются теорiи и доктрины и за ихъ причудливою фантастичностью не видно реальной жизни и реальнаго мышленiя.

Всѣ вопросы русской жизни отошли на второй планъ. Ими занималась исключительно „обличительная“ литература, которая въ своемъ отрицанiи обнаружила полное незнанiе исторiи и непониманiе жизни. Отрицанiе шло съ такой заоблачной высоты, что ему все казалось пустяками, небо и адъ, земля и люди, исторiя и дѣйствительность. Въ этомъ отрицанiи съ особенною ясностью сказалась вся историческая безжизненность, вся безпочвенность и фантастичность новой вѣры.

Эта вѣра въ несуществующее человѣчество отличается самымъ крайнимъ и безпощаднымъ фанатизмомъ. Такъ, конечно, и должно быть. Логическая фикцiя создалась не на реальной почвѣ. Никакой фактической провѣрки и критики она не выдерживаетъ. Отъ жизни она далека. Въ нее можно только слѣпо вѣрить. А слѣпая вѣра всегда фанатична.

Смѣху и удивленiя достойны тѣ частные выводы, которые передовая наша печать съ самымъ серьезнымъ видомъ предлагаетъ читате-

лямъ, а читатели безъ улыбки читаютъ эти откровенiя новой правды.

Вѣра въ Бога—явленiе нацiональное, а безшабашная Confessionslosigkeit—общечеловѣческое. Православiе—верхъ квасного патрiотизма, сектантство—прогрессивный шагъ впередъ. Заповѣди праведной и непостыдной жизни—застой и отсталость; легкость нравовъ—милый и желанный спутникъ культуры. Русскiе святые—фетиши темнаго народа, русскiе нигилисты—свѣточи прогресса и цивилизацiи. Русскiй мужикъ—явленiе нацiональное, босякъ и бродяга,—о, непремѣнно!—явленiе общечеловѣческое. Право мужика на землю — дѣло узкаго нацiонализма; право еврея на эксплуатацiю населенiя—святое общечеловѣческое дѣло. Самоуправленiе деревни, веденiя деревенскихъ дѣлъ на мiру по совѣсти и согласiю всѣхъ—отсталость и первобытное варварство; олигархическая и междуплеменная „весна“ для русскихъ и не русскихъ верховъ—самое главное и важное общечеловѣческое дѣло. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Достоевскiй—дѣло бытовое, живутъ въ чертѣ нацiональной замкнутости,—Толстой и гг. Розановъ, Милюковъ, Тернавцевъ, Горькiй, Андреевъ, Аббадона—вышли „на просторъ мiрового служенiя“. Отощавшiй центръ—достоянiе нацiональное, разжирѣвшiя окраины—достоянiе общечеловѣческое. Русскiе—явленiе

національное, японцы — явленіе общечеловѣческое и т. д.

Да, слово боевое и гибкое.

У русской интеллигенціи въ области теоретической мысли ничего своего нѣтъ — ничего въ полномъ смыслѣ этого слова, ни макова зернышка, ни атома,—на гумнѣ ни снопа, въ закромахъ ни зерна. Все до послѣдней пылинки съ запада и отъ запада. Но, оказывается, что все, что идетъ съ запада, намъ не ко двору, не въ коня кормъ. Фатальнымъ образомъ мы тощаемъ отъ того, отъ чего сытѣетъ и толстѣетъ западъ. Правда, чужое, но огромное богатство почему-то идетъ прахомъ. Всѣ усилія какъ-то ни къ чему не приводятъ. Все лопается и валится изъ рукъ, все выходитъ шиворотъ-навыворотъ. Слѣпая и безумная вѣра въ западъ не позволяетъ съ толкомъ и серьезно поставить вопросъ: почему же это такъ?— и поискать другого выхода.

Маразмъ—вотъ то слово, которое, какъ вертелъ шашлыкъ, пронизываетъ всѣ слои и круги вѣрованій и убѣжденій русской интеллигенціи.

XVII.

Чѣмъ съ большимъ вниманіемъ и вдумчивостью мы будемъ всматриваться въ пестрые

узоры текущей науки и философіи, доктрины и идеологіи, тѣмъ съ большею тревогою и опасеніями будемъ смотрѣть на слишкомъ вѣроятное будущее.

Становится очевиднымъ, что разумъ замѣнило безуміе, что темная ночь легла на очи мудрыхъ, что стезя развитія повернула назадъ и съ неожиданною быстротою увлекаетъ все ниже и ниже.

Никакихъ положительныхъ идеаловъ у интеллигенціи нѣтъ. Есть только голое, стихійное, ни на чемъ необоснованное отрицаніе. Она не знаетъ лучшаго будущаго, но враждебна къ прошлому и настоящему. Она не знаетъ, какъ надо жить, и хочетъ жить такъ, какъ живутъ всѣ. Съ государствомъ, съ церковью и народомъ она жить не можетъ. Силы, которыя создали современную науку и культуру, которыя охраняли и охранили ростъ общественнаго, національнаго и нравственнаго сознанія, которыя гарантируютъ безопасность и спокойствіе для дальнѣйшаго движенія впередъ знанія и совѣсти,—ненавистны для этихъ троглодитовъ, которыхъ неудержимо тянетъ на „дно“. Отказаться отъ тактики вандаловъ—для нихъ значитъ прекратить свое существованіе.

Всюду замѣтенъ какой-то сомнамбулизмъ совѣсти. Совѣсть, какъ начало живое и дѣятельное, постепенно засыпаетъ, убивая въ человѣ-

къ сознаніе отвѣтственности за свои дѣла. Человѣкъ, безвольное и безсмысленное орудіе посторонней стихійной силы, идетъ въ жизнь деревяннымъ автоматомъ. Въ свою волю онъ такъ же не вѣритъ, какъ и въ свою голову. Онъ привыкъ, чтобы его что-то толкало въ спину, дѣйствовало на него сзади. Это апоѳеозъ модной теперь „абуліи" и безпомощность невѣжества. Смыслъ жизни потерянъ весь цѣликомъ, и мѣста для разумной и сознательной дѣятельности не остается. Человѣкъ не знаетъ, чего хочетъ и чего надо хотѣть, но заранѣе требуетъ, чтобы каждое его дѣйствіе считалось безупречнымъ, ибо онъ идетъ подъ стягомъ прогресса и эволюціи.

Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть полнаго банкротства нашей интеллигенціи и нашей идейности. Передъ нею—только стѣна или обрывъ.

И вотъ та сомнительная „сила", которая теперь такъ заносчиво и опрометчиво зоветъ къ суду наше духовенство. Что же сказать рьяному, но безтолковому и совершенно зарапортовавшемуся прокурору?

А что если эта „сила", такая немощная, такая лѣнивая и безпомощная, нынѣ единственная сила въ жизни? Пусть она плоха, но кромѣ нея, быть можетъ, ничего нѣтъ. Выборъ одинъ: она—или круглый нуль.

Такъ давно говорили, такъ и теперь часто говорятъ.

Гдѣ другое, встрѣчное теченіе въ литературѣ, философіи и искусствѣ? Гдѣ мыслители и поэты противнаго, т.-е. русскаго лагеря, которые съ честью и достоинствомъ подняли свои стяги?

Да,—говорятъ наши освобожденцы, — Пушкинъ былъ великій поэтъ, но только въ молодости, пока онъ пѣлъ вольность. Онъ, по увѣренію Владиміра Соловьева, умеръ кстати, вовремя, такъ какъ отчасти уже пережилъ свою славу, отчасти своими преступленіями и прегрѣшеніями вполнѣ заслужилъ пулю Дантеса, какъ возмездіе высшей справедливости. Лермонтова въ его религіозной лирикѣ до сихъ поръ еще не удосужились разобрать и объяснить. Гоголь—за „Переписку съ друзьями" проклятъ Бѣлинскимъ и его сателлитами. Какихъ только собакъ не вѣшали на Достоевскаго въ день его четверть-вѣковой годовщины! Все геніальное, сильное и свѣжее въ литературѣ носитъ многочисленные слѣды нигилистическаго копыта.

Надо будетъ очищать и эти и авгіевы конюшни. Надо будетъ, наконецъ, создать и установить сколько-нибудь приличный и серьезный курсъ исторіи русской литературы XIX в. Это неотложная потребность времени.

Но это потомъ. Пока только на этой нивѣ принимать борьбу съ русскимъ нигилизмомъ и идейнымъ варварствомъ—преждевременно.

Есть другой, вѣковой и крѣпкій камень, которымъ такъ долго пренебрегали зиждущіе. Ему вся стать быть и оставаться во главѣ угла.

Интеллигенція противополагается не какой-либо другой части интеллигенціи съ другими идеалами и воззрѣніями, а другой забытой, но не убитой, гонимой и поносимой, но живой и крѣпкой силѣ, которая устояла въ годину всякихъ бурь, которая устоитъ и теперь.

Эта сила—русская церковь. Эта сила только тамъ и нигдѣ больше. Съ нею не считались и не считаются, но это только признакъ легкомыслія и слѣпоты. Ее не видятъ и не хотятъ видѣть, но это только ошибка въ счетѣ.

Великая творческая и зиждительная работа русской церкви до Петра—на глазахъ у всѣхъ. Было много охотниковъ ее поносить и порочить, но этотъ вѣтеръ порывами налеталъ изъ пустыни и улеталъ въ пустыню, осыпавъ пылью улицы и дома города. Но недаромъ работала церковь и послѣ Петра.

Она скопила запасы знанія, духовнаго опыта и высокой мысли. Этихъ запасовъ было бы больше, если бы ей жилось легче. Если она не проявила широкаго и разнообразнаго творчества, достойнаго генія русскаго народа, то

это только потому, что весь русскій народъ въ его коренныхъ пластахъ былъ устраненъ отъ творческой и созидательной работы. А церковь жила не съ тѣми наносными и жидкими элементами, откуда выходили проекты и прожектисты, а съ людьми трудового тягла, за счетъ которыхъ и создавались эти проекты. Она была вѣрна народу и народъ, призванный къ творческому труду, когда онъ почувствуетъ въ себѣ творческія силы, вдохнетъ и въ церковь могучій творческій духъ для дальнѣйшей работы на крѣпкомъ фундаментѣ старой традиціи. И церковь не дастъ погибнуть тому, что было сдѣлано въ ней ея лучшими представителями, и не пойдетъ за „проектами“ къ чужимъ людямъ. Она не должна и не можетъ поступиться своимъ многовѣковымъ достояніемъ, но, все больше и больше набираясь духа жизни, двинетъ далеко впередъ давно начатую работу въ постоянномъ единеніи и общеніи съ народомъ.

Наши народолюбцы наивно дивятся тому, что русскій мужикъ — не дикарь и не звѣрь, что онъ добръ сердцемъ и полонъ жалости къ обездоленнымъ. Это кажется имъ чудомъ. Но это чудо объясняется просто: много постояннаго и упорнаго труда было положено на его нравственное воспитаніе. Въ сельской церкви, въ храмовые праздники сосѣдняго прихода, въ скитахъ и монастыряхъ, у чудотворныхъ иконъ

и св. мощей народъ получалъ уроки христіанской нравственности и любви къ людямъ. Народъ и теперь любитъ „божественныя книги“. Откуда взялась у него эта любовь? Если бы его не учила церковь, кто бы училъ его?

Пореформенной школѣ пришлось вынести упорную борьбу съ этою любовью народа къ „божественному“, которое мѣшаетъ должному распространенію „популярныхъ“ изданій. Повидимому, борьба еще далеко не кончена. Народъ усердно читаетъ житія святыхъ, особенно русскихъ угодниковъ и чудотворцевъ. Онъ ихъ и прежде читалъ и чтилъ больше всякаго другого знанія. Что же это значитъ?

Когда святители русской церкви, свято поработавъ при жизни землѣ, уходили изъ міра явленій, изъ міра исторической дѣйствительности въ мѣста вѣчнаго упокоенія, ихъ постоянное, непосредственное и всестороннее вліяніе на народную совѣсть поднималось и усиливалось до поразительной высоты. Ихъ трудъ, создавшій и наполнившій ихъ „житіе“, ихъ примѣръ, ихъ учительное слово становилось вѣчнымъ достояніемъ народной правды. Ихъ уроки становились закономъ жизни. Они до такой степени соотвѣтствовали инстинктивнымъ влеченіямъ народной души, что народъ не допускалъ и мысли о возможности другой правды, кромѣ той, которая воплотилась въ ихъ словѣ

и подвигѣ. Въ идеальныхъ очертаніяхъ этихъ „житій“—весь кругъ житейской и умозрительной философіи русскаго народа. Это не только теорія, но и практика жизни. Это не дѣло школы, каѳедры, секты и ереси, но творческое созиданіе совѣсти на почвѣ духовной созерцательности и жизненнаго примѣра. *Должно* стремиться къ нравственному совершенству и *можно* его достигнуть, ибо угодники его достигали. Это не созданіе пламеннаго вдохновенія, безпочвенной мечты, а простая правда жизни, понятная и доступная каждому. Въ виду этого „молитвы и заступничество русскихъ угодниковъ за Русь“—не мистическое представленіе экстатической мысли, но несомнѣнный фактъ русской исторіи. Умирая для себя, угодники не умирали для народа, а только наполнялись новою вѣчною жизнью. Въ этомъ и мистическій, и реальный смыслъ почитанія мощей. Народная совѣсть и теперь бережетъ нѣсколько святыхъ именъ и ждетъ только дня благословенія ихъ церковью. Они уже святы въ народномъ сознаніи задолго до ихъ канонизаціи.

Историки русской литературы и теоретики русской культурной традиціи отрицаютъ эти факты. Но рано или поздно ихъ обманъ обнаружится. Они начинаютъ свою исторію со вчерашняго дня, а исторія народа гораздо длиннѣе. Имъ кажется, что они первые пахари на

дѣвственной нови, но они сѣютъ на давно разработанной нивѣ, на которой много разъ зрѣли обильные и лучшіе всходы. Они думаютъ, что Пушкины, Лермонтовы и Достоевскіе создавались изъ ничего. Но самобытной и богатой литературы не можетъ быть у народа, который самъ не богатъ духовно. Свѣтская литература лучшіе свои плоды пожинаетъ съ нивы, засѣянной церковью. Церковь сѣяла всегда разумное, всегда доброе и всегда вѣчное, ибо сѣяла о имени Христа Его вѣчную правду. А интеллигентные культуртрегеры думаютъ, что они строятъ на пустомъ мѣстѣ, что они расчищаютъ цѣлину, и поэтому всему дивятся, ничего не понимаютъ и торжествуютъ побѣды тамъ, гдѣ работа сдѣлана не ихъ руками.

Величайшіе умы русскаго народа, подвижники и праведники въ жизни, глубоко проникавшіе пытующимъ окомъ въ творческіе тайники народной совѣсти, люди большого знанія, несокрушимой логики—святые Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій, Тихонъ Задонскій и приснопамятный Ѳеофанъ Затворникъ,—удалясь отъ вершинъ политики, гдѣ не они были нужны, выдвинулись изъ рядовъ петровской и послѣ-петровской „духовной команды“, и ихъ сѣмена, брошенныя въ душу русскаго народа, возродились въ творчествѣ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго и, съ

нѣкоторымъ поврежденіемъ, Толстого. Можетъ быть, преемственность творчества и творческихъ идей была бы нагляднѣе, доступнѣе даже вольнодумному и поэтому близорукому взору, если бы лучшія созданія народнаго генія по ихъ истинной стоимости цѣнились не только простымъ народомъ, но и учрежденіями коллегіальной вѣры и религіознаго космополитизма, принаровленнаго къ духовной нищетѣ текущей интеллигенціи.

XVIII.

Но вопросъ о русской церкви и исторической задачѣ русскаго духовенства въ русской жизни особнякомъ, конечно, не стоитъ и стоять не можетъ. У русскаго народа своя психологія, проникнутая тепломъ и свѣтомъ православія, а поэтому должна быть и своя логика. Если для него логику два вѣка дѣлали на чужой сторонѣ, то это вѣковая ложь и ошибка—и ничего больше.

Привычка жить въ общеніи съ другими людьми—старая привычка. И далась она народамъ не легко. Нужно было много вѣковъ, чтобы создать то, что мы называемъ общественнымъ строемъ. Каждый народъ въ этой творческой и пластической работѣ проявилъ свою повадку,

свою сноровку, свою личность. Онъ строитъ эту жизнь по душѣ и по совѣсти. И дешево онъ ее не продастъ. Если геніальнѣйшіе люди съ геніальнѣйшимъ остроуміемъ придумаютъ самыя стройныя по логическимъ выкладкамъ, самыя благородныя по ихъ личной психологіи схемы и формы общественной жизни, которыя съ восторгомъ встрѣтило бы человѣчество, если бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь таковое существовало,—племена и народа останутся совершенно равнодушными ко всѣмъ ухищреніямъ блестящихъ мечтателей. Говорится, не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Красиво и благородно, да имъ не по душѣ; можетъ быть и вѣрно, *да не по ихъ вѣрѣ*...

Говорятъ, что выше лба уши не растутъ. И никогда уши логики не выростутъ выше лба психологіи. Внѣ психологіи логика ни на что и ни къ чему. Умная логика, дѣйствительно умная, умная не чужимъ, а своимъ умомъ, умная не для диспутовъ и диссертацій, а для реальной жизни,—торопиться никуда не будетъ, съ голыми руками въ драку не полѣзетъ, а отойдетъ въ сторонку и будетъ спокойно ждать, что скажетъ психологія, живой человѣкъ, живая совѣсть.

И великая бѣда народу, если глупая логика скажетъ, что одна психологія *лучше* другихъ, что по этой одной общепризнанной и обще-

доступной психологіи должны жить всѣ люди, должны ее вызубрить на зубокъ, какъ букварь,—имѣя доброе сердце, воспитывать въ себѣ вражду и злобу,—воспитывать въ себѣ эгоизмъ при природной добротѣ и отзывчивости на чужое горе.

Или злоба *умнѣе* доброты и поэтому должна быть закономъ и основою жизни.

Народная масса собственными усиліями и шагъ за шагомъ должна выйти изъ тьмы. Пусть она еще меньше будетъ нуждаться въ опекунахъ и руководителяхъ, чѣмъ нуждаются въ нихъ западные рабочіе. Пусть не придется чего-нибудь навязывать, придумывать что-то совершенно новое, проникающее въ массу извнѣ и притомъ непремѣнно путемъ борьбы, потому что здѣсь имѣется свое, не чужое, не навязанное и даже не новое. И процессъ этого пробужденія массы у насъ назвали бы не борьбою, а дружною работою народа въ дѣлѣ своего самосознанія, самоопредѣленія и самодѣятельности.

Историческая жизнь русскаго народа слагалась не такъ, какъ слагалась жизнь народовъ германо-романской семьи.

Русскій народъ съ самаго начала своего существованія берегъ и лелѣялъ совѣсть и правду, поэзію и лиризмъ не тѣсноты, а простора, не борьбы, а мира и согласія, не розни, а едине-

нія. И въ этомъ отношеніи историческія и географическія условія ему благопріятствовали. Онъ ширился и расходился во всѣ стороны, не встрѣчая крѣпкаго отпора, и, занимая новыя мѣста, не сгонялъ съ мѣста первонасельниковъ. При такихъ условіяхъ онъ не могъ воспитать въ себѣ убѣжденія, что „побѣждаетъ только сила“. Онъ зналъ и вѣрилъ, что побѣждаетъ и правда.

Зачѣмъ онъ много вѣковъ тому назадъ *слагалъ пѣсни* о цѣлебномъ просторѣ матери-пустыни, гдѣ сердце, утомленное зрѣлищемъ вражды и борьбы, отдыхаетъ въ безмолвіи и одиночествѣ созерцанія и думъ передъ лицомъ природы? Зачѣмъ русскіе святые, сподвижники и пустынножители, шли на востокъ и на сѣверъ, гдѣ среди непроходимыхъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ ихъ плоти было такъ тѣсно отъ мошкары и звѣря, а душѣ такъ просторно вдали отъ людской неправды и борьбы за мѣсто? Зачѣмъ слѣдомъ за ними шли люди, много людей, чтобы при дружной общей работѣ жить въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, безъ насилія и обмана, жить по правдѣ и совѣсти, т.-е. по Божьи?

Отъ жизни, основанной на борьбѣ и враждѣ, народъ отступалъ въ дебри и пустыни, пока это было можно, пока онъ не уперся въ океанъ, непроходимыя тайги и въ голодныя степи. Онъ остановился только тогда, когда наступать было уже некуда.

Тогда явилась новая повинность, новый подвигъ: *стоять* за землю русскую, стоять за церкви и обители, за просторъ для своей вѣры и совѣсти, за вѣковѣчную правду своихъ святынь. И онъ отстоялся, хотя на него враги шли со всѣхъ сторонъ, хотѣли согнать его съ мѣста, водвориться на его землѣ. Онъ не могъ отстояться только тогда, когда уже не его враги, отбивать которыхъ онъ могъ и умѣлъ, а его мнимые друзья, которыхъ онъ не понималъ и которые его не понимали, стали тѣснить его назадъ.

Черезъ всю свою исторію онъ перенесъ вѣру и надежду, правду и совѣсть простора и воли, жалости и общительности. Западъ наносимыя имъ обиды оправдывалъ своею тѣснотою. Но тѣснота приводитъ сознаніе русскаго народа къ совершенно противоположному началу. И у него нашлись свои подвижники и герои, свои пѣвцы и мыслители. Это были праведники и пустынножители, въ которыхъ онъ увидѣлъ заповѣдную тайну земной святыни. Потомъ, хотя и очень поздно, онъ могъ бы увидать своихъ героевъ въ славной дружинѣ русскихъ по творческой правдѣ и совѣсти истолкователей его духа, если бы они говорили на его языкѣ, не прятали въ непонятное, съ

чужихъ навыковъ взятое слово его упованія и завѣты. Далеко отъ него и мимо его шли Ломоносовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Достоевскіе, Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковъ и Кирѣевскіе—и онъ смѣшивалъ ихъ съ тѣми людьми, у которыхъ въ русской, повидимому, рѣчи не было ни русской правды, ни русскаго духа. Ему пришлось опуститься на самое дно государственной и общественной жизни и въ молчаливой истомѣ пропускать надъ собою мутныя волны всякой нерусской правды.

Люди, сильные духомъ, смѣлые мыслью, простые и чистые совѣстью найдутъ обильный источникъ живой и мертвой воды въ завѣтныхъ тайникахъ почти сказочной дубравы, гдѣ подъ наружною корою кажущейся темноты и мнимаго невѣжества крѣпки и сильны корни и стволы строевого лѣса. Но для того, чтобъ идти на богатырскій подвигъ, нужно имѣть богатырскія силы, безстрашное сердце и крѣпкую вѣру. Этихъ великихъ даровъ духа у русской интеллигенціи не нашлось. Вмѣсто богатырей, которые стояли за землю русскую, за вѣру православную, она выдвинула изъ своей среды кикиморъ, которыя выли на чужой ладъ что-то хищное и злобное, какъ воютъ по загуменью волки въ темную зимнюю ночь.

Много печальнаго и обиднаго въ томъ, что не наши богатыри духа по прямой ѣзжей дорогѣ повели русскую интеллигенцію на трудный и святой подвигъ честнаго и умнаго служенія народу, къ ласковому князю Владиміру, а переметныя сумы по какимъ-то татарскимъ саклямъ, какъ полонянниковъ, поволокли въ общечеловѣческій, т.-е. въ общеинородческій станъ. Но вѣдь и плѣнъ не позоръ для того, кто, какъ могъ, честно стоялъ за свое дѣло. Постыдно и позорно то, что это не плѣнники, а перебѣжчики, ничтожные люди, которымъ не подъ силу былъ честный подвигъ великой обороны, трусы, у которыхъ не хватило мужества вѣрить въ себя и въ свой народъ.

А русскій народъ все еще вѣритъ въ своихъ богатырей, все еще ждетъ, что они придутъ и станутъ честно и грозно на великой богатырской заставѣ...

XIX.

За чѣмъ же стало дѣло? Намъ, русскимъ, не впервой селиться и обживаться на новомъ мѣстѣ, поднимать цѣлину, корчевать пни, заводить и ставить дружный и согласный общинный порядокъ жизни.

Бревна срублены и обтесаны, рамы и стекла готовы, стропила хоть сейчасъ ставь, теса на

крышу хватитъ. Умѣли мы строить и „обыденныя“ церкви, т.-е. строили временную церковь въ одинъ день.

За чѣмъ же дѣло стало?

Мало вѣры,—не въ себя, не въ Бога, а въ людей и въ ихъ правду.

Громко, отчетливо, ясно сказано непривычное слово свободы. Вѣрить или не вѣрить радостной вѣсти, великому счастью, старой почти, всегда обманывавшей надеждѣ? Неужели гоненіе на русскій народъ и православную вѣру прекратилось? Неужели не люторамъ, не Ѳеофанамъ Прокоповичамъ, отдано кровное и родное дѣло? Неужели оберъ-прокуроры Св. Синода, Чебышевъ, Мелиссино, Голицынъ, Аракчеевъ, Шишковъ и другіе кавалерійскіе генералы не будутъ заводить полицейское благочиненіе въ отмѣну религіи и совѣсти? Неужели и съ высоты, по подстрекательству французскихъ энциклопедистовъ, не будутъ преслѣдовать „обрядовое благочестіе“, запрещать поклоненію св. иконамъ и мощамъ, издѣваться надъ постомъ и всѣмъ православнымъ обрядомъ? Неужели и русской церкви будетъ дано свободное мѣсто среди русскаго народа? И прекратятся Петровскія обвиненія въ „небреженіи духовной команды“? Въ православной церкви не будутъ видѣть только „забобоны и ереси“? И не повторится Биронъ, сокрушитель зловредной

„православной фракціи“, съ политическою программою рванья ноздрей и ссылки на галеры? И на духовенство не возложатъ опять тѣлеснаго наказанія, сторожевой службы при рогаткахъ и „прочей полицейской должности“? И даже министръ духовныхъ дѣлъ не будетъ внушать духовенству „умное христіанство“? И даже—Аракчеевъ перестанетъ исправлять катихизисъ Филарета? И въ дни освободительнаго движенія никто не станетъ повелительно требовать изъ Синода обязательнаго „подвига уступокъ“?

Вѣрить ли этому? Вѣрить ли своимъ глазамъ и ушамъ, печатной и письменной буквѣ, слову и шрифту?

Какъ это не похоже на все, что есть и было! Какъ это ново и неправдоподобно! Какъ это похоже на волшебную сказку!

Пусть воздухъ свободы суровъ. Пусть на первомъ шагу звучатъ неприкрытыя угрозы. Пусть православію отведутъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ исповѣданій. Но вѣдь за нимъ признается право на существованіе, оно перестаетъ молчать, ему дается право голоса! Пусть временно какое-нибудь другое общечеловѣческое, т.-е. космополитическое, нигилистическое и атеистическое, вѣроисповѣданіе станетъ господствующимъ. Но вѣдь въ русской землѣ есть еще русскіе люди и, если они снова со-

берутся у убогой деревенской церкви,—ихъ, можетъ быть, и не станутъ высылать въ Архангельскую губернію; поощрять къ самосожиганію, какъ старовѣровъ, и преслѣдовать, какъ „политическую факцію“?

Правда, по небосклону бродятъ грозныя тучи. Каждое пастырское слово убѣжденія, совѣсти и правды въ еврейской печати поднимаетъ изступленные вопли о черносотенствѣ и реакціи, о государственной измѣнѣ и опасности для республики. Правда, проекты Жореса и Комба объ обмірщеніи государства и школы—ничего добраго не обѣщаютъ. Правда, „ужъ носятся сомнительные слухи“, что богословствующіе трудовики, Аладьинъ и Рамишвили, сочиняютъ новую религію пролетаріата и будутъ насаждать ее огнемъ и мечомъ. Но пока это только слухи, еще не удостовѣренные изъ освѣдомленныхъ источниковъ. Еще, можетъ быть, этотъ громъ и не изъ тучи. Можетъ быть Богъ не выдастъ...

Будемъ надѣяться... Попробуемъ вѣрить... И если великій херимъ синагоги, тяготѣвшій два вѣка надъ православіемъ, нынѣ потерялъ свою силу, если и русской церкви возможно нынѣ сказать робкое пока слово самообороны и защиты, если и ей дана возможность имѣть свое мнѣніе и свое сужденіе, возвращена отнятая было возможность апостольской пропо-

вѣди и служенія дѣлу Христову, если это не мечта и не сонъ, а сущая правда, если государственная *жизнь* дѣйствительно вышла на новсе русло,—если все это такъ, то значитъ совершился фактъ чрезвычайной важности.

Если это такъ, — дерзай же, дерзай, малое стадо, и бодро становись на чредѣ твоего служенія! Къ маяку, утомленные пловцы, застигнутые бурей! Къ маяку вѣры, православный русскій народъ!

И—сразу же за дѣло! Медлить нельзя! Дніе наши лукави суть. Блюдите, како опасно ходите.

Говорили и говорятъ, будто бы дружины вооруженнаго пролетаріата и революціоннаго крестьянства вырвали у правительственной власти право борьбы за свои классовые интересы, за свое профессіональное самосознаніе и готовы силою поддерживать свои права на эту борьбу.

Таковъ языкъ нашего времени. Такихъ правъ и такой борьбы русской церкви и русскому духовенству не нужно. Его сила не въ силѣ, но въ правдѣ. Оно борется не мечомъ, а словомъ, ученіемъ и примѣромъ. Его свобода—свобода проповѣди и убѣжденія, а не партійной дисциплины декретирующей насиліе и убійство.

Но свобода ученія и проповѣди—его неотъемлемое право. Оно не признаетъ никакой ди-

статуры случайныхъ побѣдоносныхъ партій и отдѣльныхъ кондотьеровъ. Для него это не только право человѣка, но и долгъ пастыря.

Здѣсь—его свобода и только рабъ лукавый и неключимый не станетъ на стражѣ этой свободы.

XX.

Теперь, если есть эта свобода, смѣло и безтрепетно будемъ развивать логическую нить нашихъ выводовъ.

Церковь и интеллигенція...

Два міра, двѣ силы, двѣ правды,—лукаво и двусмысленно говорятъ многоязычные сверхъчеловѣки нашего времени. Ну, это старая ложь малограмотныхъ дуалистовъ.

Міра можетъ быть и два, силы можетъ быть и двѣ, но правда можетъ быть одна—и только одна. Если ставятъ двѣ равносильныхъ правды, если хотятъ молиться двумъ богамъ сразу, поклоняться Христу и антихристу,—разсчитываютъ, конечно, на легкомысліе и легковѣріе, на довѣрчивость мечтателей и глупость аудиторіи.

На эту тему интеллигенція говорила громко и властно, а церковь — молчала. Отъ имени церкви поднимались отдѣльные голоса, звучали

слова отступничества и предательства, служенія Богу и мамонѣ,—но когда эти слова не звучали? Имъ, по старому примѣру, подавали кусокъ хлѣба, обмокнутый въ соль. А настоящая церковь молчала, потому что отъ нея настойчиво и властно требовали „подвига и уступки". А церковь вѣчна и сильна именно тѣмъ, что она ничего уступить не можетъ.

А теперь можно не молчать? А теперь говорить можно?

Ну, попытка не пытка, спросъ не бѣда. Попробуемъ.

При полномъ единствѣ исповѣданія, при одинаковомъ принятіи общаго Символа вѣры,—у каждаго есть своя область дѣятельности, свои ближайшіе интересы, свое спеціальное знаніе. У нашей церкви много общихъ вопросовъ и интересовъ, много дѣлъ и хлопотъ. Надо обороняться со всѣхъ сторонъ, отбиваться, какъ въ крѣпости, обложенной со всѣхъ сторонъ. Каждому свое мѣсто. Кто на что годенъ.

Въ этой самооборонѣ я отмежую себѣ небольшое мѣсто. Христіанская проповѣдь многообразна. Учитъ слово разумѣнія и не меньше учитъ примѣръ жизни. Въ дѣлѣ ученія—одному углубленіе и утвержденіе догмата, другому обличеніе ересей и лжеученій. Одному внутренніе распорядки церковнаго устроенія, другому вразумленіе оглашенныхъ и внѣшнихъ

Также и въ дѣлѣ проповѣди. Одному возведеніе сильныхъ изъ силы въ силу, изъ разума въ разумъ, по степенямъ совершенства, другому — привѣтствіе вратаря, встрѣчающаго даже холодныхъ, равнодушныхъ и чужихъ и затворяющаго двери только для богохульства, проповѣди порока и преступности.

Для церкви, по общему сознанію, возникаетъ неотложная потребность соотвѣтственно съ обстоятельствами времени организовать новый видъ православной проповѣди, до сихъ поръ для нея недоступный,—проповѣди не съ амвона, отъ аналоя, а съ шумной и тревожной трибуны періодической печати.

По нуждамъ времени мѣнялись формы апостольской проповѣди. Устное слово замѣнялось посланіемъ. Религіозное сознаніе опредѣлялось и распространялось соборомъ. Манускрипты хранили кодексъ и списки каноническихъ книгъ. Появилось книгопечатаніе и обогатило богословскую литературу. Періодическія изданія замѣнили книги и западное духовенство воспользовалось этимъ новымъ видомъ проповѣди.

Блѣдное и тусклое отраженіе новаго порядка вещей было и у насъ. Это подъ разными названіями былъ общій типъ такъ называемыхъ епархіальныхъ вѣдомостей. Само собою понятно, что разъ церковь молчала, слово ея органовъ могло быть только мертвымъ, смутнымъ и

невразумительнымъ. Предѣлы возможной гласности напоминаютъ размѣры клѣтки для давно замолкшей канарейки. Это бѣлая бумага съ печатнымъ шрифтомъ.

Періодическія изданія по епархіямъ появились какъ-то по инерціи и больше для порядка и отчетности. Только оффиціальная часть имѣла какое-то подобіе права на существованіе. Теперь неожиданный подъемъ темпа всей жизни обличаетъ всю ненужность и безцѣльность этой макулатуры, всегда только влачившей существованіе.

Смѣшно думать, что мѣстная епархія только своими силами въ состояніи обслуживать живой и серьезный органъ періодической печати, отзывчивый и на мѣстныя нужды, и на общія теченія жизни,—органъ достойный этого имени и нелишенный вліянія на мѣстное общество. Пока что, такая роскошь намъ не по карману. На первыхъ порахъ надо не расточать силы по малу, а собирать ихъ воедино. Легче создать хорошій центральный органъ, чѣмъ довѣрить огромное и отвѣтственное дѣло кустарямъ и случайнымъ людямъ своихъ личныхъ соображеній.

Но—подробности потомъ. Прежде всего надо установить общее начало и неотложные вопросы ближайшей организаціи.

Можетъ быть надъ нами не каплетъ? Можно и отложить, повременить, присмотрѣться и

прицѣлиться? Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ? Поспѣшишь, людей насмѣшишь? Скоро не бываетъ споро? Семь разъ отмѣрь и одинъ отрѣжь?

Даже удивительно, сколько у насъ пестрыхъ покрововъ для лѣни, косности и рутины. Силою вещей теперь *всѣ должны* становиться на дѣловую и практическую почву.

Когда колоколъ прозвонилъ на вѣче, поздно дырявый армякъ чинить.

Изъ многихъ убѣдительныхъ соображеній я укажу только на два, которыя въ сотый разъ подтверждаютъ справедливость вѣрнаго замѣчанія Петра I, что промедленіе часто смерти подобно.

Я уже сдѣлалъ попытку охарактеризовать главныя положенія quasi-философіи нашей текущей интеллигенціи. То, что я говорилъ и сказалъ, можетъ показаться новымъ и необычайнымъ только для идейныхъ и передовыхъ умовъ, которые никогда не создавали себѣ обременительной привычки думать и разсуждать. А въ семинаріяхъ и академіяхъ—какъ никакъ—читается курсъ логики и обзоръ философскихъ ученій. Да и другіе учебные „предметы" даютъ сноровку справляться съ вопросами отвлеченнаго мышленія. Это вѣдь только у нашихъ „мыслящихъ" міряхъ такое упорное и суевѣрное отрицаніе всего, что ими не сказано въ ихъ оппозиціонной газетѣ.

Нелѣпость и фантастичность мечтательныхъ посылокъ неизбѣжно проявляется въ нелѣпости разношерстныхъ и неожиданныхъ выводовъ.

Тревожной истеричностью и нервной нетерпимостью обвѣяны всѣ формы и проявленія духовной, т.-е. умственной и нравственной жизни.

Особенно причудливо и уродливо сказывается это въ двухъ проявленіяхъ общественнаго фанатизма.

Имѣю въ виду: 1) исторію новѣйшей русской литературы въ средней школѣ и 2) такъ называемую идейную беллетристику.—Повторяю, это только примѣры,—два изъ многихъ. Я говорю объ нихъ—только потому, что ихъ лучше знаю. Пусть другіе подводятъ итоги—каждый въ своей области и по своей спеціальности.

Главнымъ образомъ буду имѣть въ виду практическія неудобства отъ этой путаницы понятій и полной безпринципности всей постановки дѣла.

Новѣйшая литература въ средней школѣ—арена какой-то бѣшеной политики и полемики враждующихъ сторонъ.

Учили ли чему-нибудь и чему именно учили Чаадаевъ, Станкевичъ, Грановскій, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Чернышевскій, Зайцевъ, Лавровъ, Шелгуновъ, Михайловскій, Стру-

ве, Милюковъ, Карѣевъ, Трачевскій, Луначарскій, Плехановъ, Засуличъ, Ѳ. Батюшковъ, Аскархановъ, Аладьинъ, Рамишвили, Родичевъ, Набоковъ и другіе учителя человѣчества? Заткнули ли за поясъ Пушкина и Лермонтова— всякіе Максимы Горькіе, и Леонидо-Андреевы, и Скитальцы, и Бальмонто-Розано-Мережковскіе, и Гусевы-Оренбургскіе, и прочіе, ихъ же имена ты, Господи, вѣси?

Мыслящая и оппозиціонная Россія доказываетъ, что все это умы первой величины, мыслители не въ примѣръ прочимъ, мудрецы и философы перваго ранга, лучшія созвѣздія на небѣ искусства и науки и что слава ихъ не прейдеть во вѣки. Если вы спросите, чему же учили эти учителя жизни, отвѣтъ вы получите уклончивый. Они учили, — это вѣрно. Но чему именно они учили,—рѣшительно никому неизвѣстно. Учили отрицанію и разрушенію, ниспроверженію существующаго строя. И этого за глаза довольно. Будетъ! Не копайтесь! Долой! Руки вверхъ! Погромщики! Каины! Черносотенцы!

Такъ голымъ нулемъ отъ всякой критики и открещивались.

Директора гимназій и вообще свѣтскихъ учебныхъ заведеній держались мудрой политики: смотрѣть сквозь пальцы. Нѣкоторые считали нужнымъ давать ученикамъ доказательства то-

го, что и они нигилисты, что и у нихъ подъ мундиромъ душа собственно красная, что и они понимаютъ то, чего не понимаютъ. Директора-консерваторы впадали въ реакцію и обскурантизмъ и гимназисты жаловались на нихъ въ „прогрессивные“ органы печати.

Иначе стояло дѣло въ семинаріяхъ. О.о. ректоры и о.о. инспекторы душой не кривили. Они иногда не въ примѣръ директорамъ читали и Писарева, и даже Чернышевскаго. Но поступали слишкомъ уже прямолинейно: за самочинное чтеніе просто напросто увольняли изъ семинаріи.

На этой почвѣ ничего не могло бы и быть, кромѣ самой неприхотливой окрошки. Захотѣлъ подольститься къ учащейся молодежи, прочитай письмо Бѣлинскаго къ Гоголю или выдержки изъ Чаадаева о православіи. Захотѣлъ отличиться усердіемъ, гони въ шею за „Кто виноватъ?“

Это съ перваго взгляда очень смѣшно, но, если присмотрѣться, и очень печально. Наша средняя школа не пріобрѣла еще права спокойно и съ достоинствомъ смотрѣть на успѣхъ и поведеніе не то корифеевъ прогресса и эволюціи, не то крамольниковъ и хулигановъ.

И мыслящая Россія не знаетъ, за что она любитъ своихъ любимцевъ,—и дѣйствующая Россія никому не даетъ отчета, когда дѣти ее спрашиваютъ: „что мя гониши?“

Быть можетъ, азарту, геройства и гоненій, чтенія запрещенной литературы и битья стеколъ было бы много меньше, если бы борющіяся стороны доподлинно знали, о комъ собственно говорятъ и въ чемъ тутъ дѣло.

По здравому разсужденію, у этихъ quasi-учителей учиться дѣйствительно нечему, потому что они ничему не учили, а только писали, будировали и подстрекали къ безчинству. Но въ этомъ прежде всего надо самому убѣдиться. И убѣдиться основательно и толково. А потомъ позволить эту книжку читать — незапрещенную—и „сознательной" молодежи, но только не прятать отъ нея и своей сознательности. А потомъ, кому будетъ суждено погибнуть отъ этой книжки, тотъ и погибнетъ, а кому спастись—спасется. Но ничего путнаго не будетъ, если инспекторъ посадитъ ученика за эту книжку въ карцеръ, а учитель словесности почтитъ въ немъ мученика гражданскаго долга. Старая басня Крылова „Лебедь, щука и ракъ", какъ видимъ, и теперь молода.

А вопросъ для родителей важный и крупный. Въ правѣ ли онъ забивать голову ребенка всякимъ вздоромъ,—только потому, что ему запретный плодъ дорогъ? Но не лежитъ ли и на его обязанности постоянно и неукоснительно повторять, что вздоръ — вздоръ, и приводить тому доказательства и соображенія?

Если никто толкомъ ничего не знаетъ и не понимаетъ, столковаться трудно. А столковаться надо, потому что въ противномъ случаѣ изъ школы придутъ такія дѣти, которыя—по принципу и убѣжденію—свернутъ шею, какъ куренку, своему родителю, потому что борьба съ существующимъ строемъ принимаетъ иногда и такія формы.

Слѣдовало бы подумать о какихъ-нибудь гарантіяхъ противъ эффектности терроризма популярныхъ учителей и излишняго усердія Иродовъ, избивающихъ виѳлеемскихъ младенцевъ.

Medio tutissimus ibis,—когда-то совѣтовалъ мудрый Фебъ своему неразумному сыну Фаэтону.

„Посередкѣ (между Сциллой и Харибдой) пройдешь всего безопаснѣе".

А нужно много разума и воли, чтобы на много поколѣній гарантироваться, при наличности средней школы, отъ ниспроверженія и напрасной смерти.

Наша школа *не сдѣлала своего дѣла*. Надо было *изучить* всѣ произведенія русскихъ вольнодумцевъ и нигилистовъ *лучше* и *глубже* тѣхъ, которые клянутся этими именами. И это сдѣлать легко, потому что самые пламенные и фанатичные сектанты, по толку Писарева и Чернышевскаго, *никогда не читали* ни Писарева, ни Чернышевскаго. Исключеніе—одно на тысячу, да и то много.

Изучивъ эту нынѣ архивную пыль и гниль, что, конечно, очень скучно и утомительно, потому что по части логики и философіи русскіе нигилисты всегда были очень и очень швахъ,— надо въ яркихъ выпуклыхъ и опредѣленныхъ чертахъ показать все духовное убожество и умственную нищету этого босоногаго и бродячаго русскаго идейнаго пролетаріата, постепенно обнажающагося до гола ради залихватской свистопляски и освободительнаго душегубства. И это сдѣлать нетрудно. Къ какимъ они звали идеаламъ, теперь видно для каждаго. Потоками крови и дезорганизаціею всего государственнаго организма и механизма пришлось платить за тупоуміе и скудоуміе русскаго либерализма и порочной, безшабашно преступной идейности. Поклоненіе этимъ фетишамъ темной и невѣжественной черни—объясняется именно этою темнотою и невѣжественностью съ одной стороны,—ложью и обманомъ политическихъ дѣльцовъ, работающихъ въ руку инородцамъ, съ другой. Разъ эта ложь будетъ обнажена во всей ея наготѣ, юношѣ можно будетъ дать въ руки не только „Очерки по исторіи русской культуры“ г. Милюкова, но даже стихи Баркова и прокламаціи Плеханова и Ленина. Только тогда *въ первый разъ* на судъ молодого ума въ свободномъ судебномъ состязаніи явятся *обѣ* тяжущіяся стороны—русская и инородческая,

православная и атеистическая, положительная и отрицательная.

Только это и можетъ разсѣять путаницу понятій. Конечно, среди неопытной и незрѣлой молодежи будутъ увлеченія и преувеличенія. Часто мы увидимъ, какъ—„то сей, то оный на бокъ гнется,—колеблется и сей и тотъ“.— И — пусть! Это хорошо. Кто согнется, тотъ согнется не по глупой сбивчивости понятій, не по туманности въ общей постановкѣ дѣла, а по какому ни на есть убѣжденію, по посильному принципу и, какъ совершенно ненужный для общаго дѣла, пусть мирно изыдетъ „на страну далече“, неотразимо манящую всѣхъ блудныхъ сыновей. Все равно, ихъ дома не удержишь. А кто останется, тому вѣрить можно. Онъ всѣмъ и любъ, и гожъ,—дорогъ и надобенъ,—не наемникъ, а сынъ,—дома другъ и товарищъ хозяина, а не случайный гость и ночлежникъ.

Но прежде всего надо не лукаво, а смѣло и мужественно сказать всякому чужому посѣтителю, какого мы роду-племени, какимъ именемъ прозываемся, какому Богу молимся, какую честь чтимъ и съ кѣмъ не знаемся.

Пора перестать лукавить и дѣлать видъ, что мы одинаково молимся и Богу и Мамонѣ.

Могло ли когда-нибудь наше духовенство подать свой голосъ и по этому административ-

но-педагогическому вопросу? Не грозили ли ему искорененіемъ за вольное слово о вольнодумцахъ и вольтерьянцахъ? Не звучало ли по его адресу: „а ты не въ свое дѣло не суйся?“

И не приходилось ли жить или подъ смертнымъ страхомъ убійственнаго послѣдняго слова науки или безъ всякой науки? Въ благоустроенномъ государствѣ подобныя условія существованія не считаются вѣнцомъ педагогической мудрости и тамъ родители знаютъ, въ какую школу они отдаютъ своихъ дѣтей.

Свѣтскимъ родителямъ такое дѣло не осилить: они совершенно безпомощны передъ школьною идейностью и автономностью:—у самихъ рыльце въ пушку. А духовенству терять нечего: за нимъ уже установилась репутація мрачнаго кастоваго строя и сословной исключительности: поэтому только оно и можетъ поставить дѣло разумно, т.-е. безъ несбыточныхъ надеждъ и безъ неосновательныхъ опасеній, а соотвѣтственно съ прямыми задачами и цѣлями здоровой и непремѣнно *не* автономной школы. Неудобно, признавъ автономію неисправимыхъ шалуновъ, положить краеугольнымъ камнемъ обученія одинаковую и равноправную лѣность учащаго и учащагося персонала.

При наличныхъ условіяхъ существующаго строя школьный вопросъ представляется со-

вершенно неразрѣшимымъ: школьники совсѣмъ не хотятъ учиться, а хотятъ заниматься политикою, т.-е. бездѣльничать. Учителя тоже. А какъ же не служить прогрессу и стихійной общественной эволюціи? Значитъ, руки связаны или, что тоже, руки вверхъ.

Только одно русское духовенство и могло бы разрѣшить этотъ вопросъ—сперва, конечно для себя и своихъ дѣтей, а потомъ неизбѣжнымъ дѣйствіемъ искушенія и соблазна, и для свѣтскихъ обездоленныхъ родителей.

Въ виду этого этотъ вопросъ,—можетъ быть, и не совсѣмъ сословнаго характера,—сразу бы подвинулся впередъ и нашлось бы нѣсколько толковыхъ и даровитыхъ людей, которые сумѣли бы составить толковый и не слишкомъ революціонный общій курсъ новой русской литературы для средней школы и для общаго употребленія.

Трудно себѣ и представить, какія глубоко благодѣтельныя послѣдствія въ санитарномъ отношеніи могъ бы имѣть этотъ богатырскій подвигъ очищенія Авгіевыхъ конюшенъ.

И, повторяю, это можетъ сдѣлать только духовенство, ибо ему особенно благопріятствуютъ обстоятельства, чтобы сознать неотложную потребность: надо очистить школу отъ революціи.

Не забудемъ и того, что въ русскомъ обществѣ нынѣ нравственныя начала христіанской

и православной истины сохраняются только въ духовенствѣ и простомъ народѣ. Вѣдь теперешній свѣтскій человѣкъ, хотя порой онъ и ставитъ свѣчку Богу, но все онъ норовитъ завернуть и чорту кочергу.

XXI.

Еще хуже и, съ перваго взгляда, безвыходнѣе стоитъ вопросъ объ идейной беллетристикѣ.

Позволю себѣ пояснить свою мысль наглядными и по нашимъ временамъ обычными примѣрами.

Къ вамъ входитъ „сознательный" убійца съ кинжаломъ, браунингомъ и бомбой и въ сакмыхъ научныхъ выраженіяхъ заявляетъ вамъ, что по своимъ убѣжденіямъ, какъ мученикъ и апостолъ пролетаріата, онъ долженъ васъ убить—съ благородною цѣлью ниспроверженія существующаго строя.

Что вы будете дѣлать? Руки вверхъ? Ну, тогда и говорить нечего...

Другой примѣръ. Входитъ „сознательный" воръ и говоритъ, что у него личность и правовое сознаніе до того выросли, что, дабы уничтожить различіе между имущими и неимущими, онъ считаетъ своимъ общественнымъ дол-

гомъ ограбить васъ до тла и пустить по міру.

Пусть этотъ почтенный грабитель будетъ краснорѣчивъ, какъ товарищъ Милюковъ и язвительный Родичевъ, вы едва ли плѣнитесь его ораторскимъ искусствомъ и сами свяжете свои серебряныя ложки въ узелокъ для пущей ихъ портативности.

Третій примѣръ. Входитъ мастеръ ломовой словесности и заявляетъ, что, презирая чинъ вашъ и званіе ваше, все ваше родословное дерево въ оба края, онъ желаетъ, дабы доказать свое идейное превосходство, наплевать вамъ въ бороду и оттаскать васъ за волосы.

Можно ли удивляться, если вы согласитесь на это не сразу.

И еще. Впархиваетъ къ вамъ легкомысленный мистикъ-порнографъ или игривая эротоманка и справляется, нѣтъ ли у васъ подростка-дѣвушки, такъ какъ они не могутъ сдержать своего искушенія сейчасъ же разсказать имъ крайне непристойный анекдотъ, который они только что сочинили.

Надо имѣть слишкомъ много излишняго уваженія къ чужой мистикѣ и къ чужой порнографіи, чтобы не вытолкать ихъ въ шею,

А что вы сдѣлаете съ людьми, которые подбиваютъ народъ именно на такія срамныя дѣянія? Что вы сдѣлаете съ идейными беллетри-

стами? Съ поставщиками художественнаго матеріала въ такіе журналы, какъ „Міръ Божій", „Образованіе", Журналъ для всѣхъ", „Вѣсы", „Русская Мысль", „Русское богатство" и т. п.?

Предвижу, что люди, мало знакомые съ произведеніями текущей изящной словесности, обвинятъ меня въ клеветѣ или преувеличеніи. И большое бы спасибо я сказалъ тому, кто бы доказалъ мнѣ, что я ошибаюсь или преувеличиваю.

Не обо всякой беллетристикѣ я говорю. Я говорю о беллетристикѣ—„идейной", т.-е. самой ходкой, самой пикантной и самой дорогой,—дорого цѣнимой и хорошо продаваемой.

Она методически и систематически, сознательно и безсознательно, по принципу и убѣжденію или ради прибыли и извѣстности настойчиво проповѣдуетъ насиліе и убійство, преступленіе и порочность.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу только немного—о, очень немного сравнительно съ тѣмъ, что было бы можно привести!—фактовъ и соображеній.

Сперва отмѣчу одну общую черту нашей изящной словесности и поэзіи. Она опредѣлялась уже давно, но и до сихъ поръ почему-то почти не останавливала на себѣ вниманія.

Никогда еще бѣсъ и демонъ въ области художественной литературы не были въ такомъ

авантажѣ, какъ теперь. Антихристъ становится положительно модной и самой пикантной темой для стихотворенія и мнимо-философскаго разговора въ обществѣ. Демонъ и антихристъ за послѣднее время много выиграли по части божественности и изъ темныхъ безднъ ада, какъ босяки Горькаго „Со дна", поднимаются на интеллигентные алтари и жертвенники. Чертопоклонники—не только секта. Отъ нихъ идетъ—„повѣтріе". По Европѣ, какъ всегда меньше,—у насъ больше. По старой привычкѣ съ запада мы беремъ только худое и это худое въ русскихъ рукахъ, какъ всегда, становится еще хуже. Могутъ сказать, что это только глупыя выходки глупыхъ декадентовъ и заболтавшихся мыслителей. Но это предположеніе едва ли будетъ основательнымъ. Возвышеніе чорта за счетъ добраго начала совершается и въ другихъ формахъ и подъ другими названіями. Это то же новое чадо пресловутаго „духа времени", породившаго уже много уродовъ съ этимъ клеймомъ и чреватаго новыми разновидностями такого же типа. Слова другія, сущность таже. Нечистая сила возводится на престолы только для того, чтобы вообще не было никакихъ храмовъ. Церковные термины никого, конечно, не сбиваютъ съ толку. Дѣло само по себѣ просто: уравнять добро и зло, какъ понятія не реальныя и не научныя,—въ ихъ

правахъ,—а потомъ, устранить и категорію этихъ понятій.

Можно сотнями показывать примѣры того, какъ современное словесное художество ставитъ алтари и жертвенники мрачнымъ силамъ мрака и бездны.

Года два тому назадъ, внимательно слѣдя за текущей беллетристикой, я намѣтилъ слѣдующіе сюжеты и типы.

Какой-то метафизическій попъ тащитъ въ церкви на себя изъ гроба покойника—въ увѣренности, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Цѣли невѣжественнаго и темнаго автора,—конечно, вполнѣ понятны.

Циникъ и нигилистъ-докторъ методически и обдуманно убиваетъ своего друга, чтобы жениться на его вдовѣ и дѣлаетъ почти научный анализъ психологіи своего преступленія. Мораль: все дозволено.

Еще одинъ метафизическій хозяйственный попъ до того отупѣлъ, что можетъ только рубить и стругать дрова и доски,—и дошелъ въ этой маніи до такой виртуозности, что сколотилъ себѣ при жизни аляповатый гробъ, при чемъ въ его идіотскомъ сознаніи было только то, что гробъ проченъ, сдѣланъ дома и стоитъ недорого. Выводы: долой поповъ!

Студентъ - сифилитикъ, нигилистъ, дикарь, вспарываетъ животъ грязной расхожей дѣвкѣ. Итогъ: среда заѣла.

Номерной лакей въ гостиницѣ, пытается торговать своею молоденькою женою и побоями принуждаетъ ее къ легкости нравовъ, къ свободѣ чувства и отношеній. Просто идейный кавардакъ и авторское безпутство.

Гдѣ-то подъ городомъ озвѣрѣлые рабочіе насилуютъ дѣвочку подростка и ея спутникъ, идеалистъ и интеллигентъ въ каждомъ изломѣ нигилистической фразы слѣдуетъ ихъ примѣру. Мораль: по ту сторону добра и зла.

Отмѣчу нѣсколько яркихъ „выступленій“ идейной порочности и идейнаго безслѣдствія за 1906 г. и ближайшіе мѣсяцы прошлаго 1905 г.

Журналъ „Образованіе“: Разсказъ М. Богословскаго „Аванпостъ цивилизаціи“. На аванпостѣ цивилизаціи, т. е. въ земской школѣ, учитель Карташевъ и священникъ о. Аѳанасій спились съ кругу, пьютъ водку чуть не до драки и до пьяныхъ слезъ. Но въ пьяномъ скотоподобіи твердо вѣруютъ, что, по количеству выпиваемой водки и по своей освободительной идейности, они много выше „среды“ и горько жалуются, что эта трезвая, сравнительно, среда заѣла ихъ, опустившихся на дно пьяницъ.

„Русское Богатство“. Разсказъ Григорія Бѣлорѣцкаго „На чужой сторонѣ“. (Изъ недавнихъ воспоминаній). Полковой докторъ на театрѣ военныхъ дѣйствій сопровождаетъ ра-

неныхъ. Идетъ больной, тяжеко раненый, и производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Подлый докторъ,—должно быть еврей,—всю дорогу только и думаетъ о томъ, чтобы больной поскорѣе умеръ и неоскорблялъ его эстетическаго языческаго чувства. Онъ чувствуетъ себя гораздо выше окружающей среды и даже того солдатика, который зажегъ свѣчку передъ новопреставленнымъ.

„Русское Богатство". Разсказъ Семена Быстрова „Отставной попъ". (Воспоминанія безмѣстнаго попа). Герой разсказа—о. Николай Нырковъ. Въ семинаріи онъ безпробудно пьянствовалъ и развратничалъ, — даже въ день посвященія въ священники. Женился безъ любви и во всѣхъ отношеніяхъ глупо. Жена ему нравилась, какъ красивая самка, но ни въ какое духовное общеніе съ нею онъ не входилъ. Его работникъ Иванъ передъ нимъ богохульствовалъ и кощунствовалъ. О. Ныркову это очень нравилось. На кухнѣ, въ присутствіи прислуги, онъ забавлялся тѣмъ, что вливалъ нѣсколько капель скипидару въ носъ большой сѣрой кошкѣ и весело хохоталъ при видѣ ея страданій. Для перемѣны впечатлѣній онъ ловилъ большого сердитаго чернаго таракана, бралъ восковую свѣчку и лилъ горячій расплавленный воскъ на его ноги. Своимъ безстыдствомъ, пошлостью, кощунствомъ и ревностью онъ довелъ свою жену до самоубійства. Выводъ тотъ же: о. Нырковъ ни въ чемъ не виноватъ,—его среда заѣла, а не онъ заѣдалъ среду. И этотъ іерей, по попущенію Божію, мечетъ громы обличеній на русское духовенство,—главнымъ образомъ за то, что оно по своей отсталости вѣруетъ въ Бога.

„Міръ Божій". Разсказъ Бориса Лачинова „Іуда, такъ сказать сверхъ-идейный, т. е. возводящій насиліе и убійство въ подвигъ гражданскаго долга и божественной заповѣди. Яркій образчикъ принципіальной подлости. На заводѣ шайка террористовъ прятала запасъ оружія, готовясь къ какому-то „вооруженному выступленію". Рабочій Поручневъ донесъ по начальству о задуманномъ душегубствѣ. Виновныхъ арестовали. На заводѣ стали искать Іуду, какимъ и г. Лачиновъ считаетъ Поручнева. Родной братъ донесъ рабочимъ на доносчика и рабочіе сожгли своего Іуду въ вагранкѣ,—съ скотскою жестокостью, отъ которой волосъ становится дыбомъ. Для подлаго самосуда у автора не нашлось слова осужденія.

„Міръ Божій". Разсказъ А. Куприна „Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ". Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ—это переодѣтый военный японскій шпіонъ въ Петербургѣ. Для автора—японскій рыцарь безъ пятна и упрека. Онъ похолопски унижается передъ шпіонами, только потому, что это японецъ,—униженно льститъ

ему, прикрываетъ его отъ нескромныхъ русскихъ взглядовъ, помогаетъ ему и описываетъ его съ такимъ омерзительнымъ пафосомъ и восторгомъ, какъ будто бы это былъ вѣрный слуга Россіи и честный русскій патріотъ, взявшій на себя неблагодарный и опасный рискъ развѣдочной службы. Мораль: что благородно для японца, то подло для русскаго.

Г. Купринъ гордится „гражданскимъ подвигомъ“ государственной измѣны и явнаго предательства по отношенію къ русскому народу.

И еще разъ „Міръ Божій“. Авторъ—г. Вересаевъ. Разсказъ „Ломайло“ — ведется отъ имени автора. Авторъ—военный врачъ. Повидимому, какое-то фатальное званіе по энергіи, идейности и ненависти ко всему русскому. Русскіе солдаты—подло и по-варварски безобразничаютъ въ Манчжуріи, грабятъ деревни и кумирни. Начальство имъ потакаетъ. Все эго — „форменные разбойники“.

Въ той же книжкѣ того же журнала, въ той же серіи разсказовъ и тотъ же авторъ даетъ эскизъ „Подъ кедрами“. Какой то нахальный капитанъ топчетъ въ грязь „славу родины“ и „воинскую честь“ и съ восторгомъ первобытнаго дикаря преклоняется передъ величіемъ восходящаго солнца Желтаго Дракона. Это апоѳеозъ тѣхъ шпыней, которыхъ русскій на-

родъ до-петровской и помѣщичьей неволи, называлъ — и слишкомъ мягко — ворами. Оба разсказа явно провокаторскіе, — разсчитанные на омертвѣніе нервовъ у русскихъ людей и русскихъ офицеровъ.

„Образованіе“. Разсказъ—„Илья“. Авторъ С. Гусевъ-Оренбурскій, спеціалистъ по быту духовенства. Разбойникъ Илья насильственно захватываетъ въ плѣнъ священника и дьякона, возвращающихся съ славленья, силою заставляетъ ихъ служить у себя молебенъ, издѣвается надъ ними, бахвалится, читаетъ имъ воровскую мораль, за облака поднимается надъ окружающею средою и приводитъ въ телячій восторгъ автора разсказа, г. С. Гусева-Оренбургскаго, и, конечно, издателя журнала, А. Я. Острогорскаго, едва ли православнаго или православнаго очень недавно.

„Освободительное движеніе“. Паки—г. Купринъ. Паки — „Убійцы“. Убита кошка. Но сколько кроваваго сладострастія, смакованья подробностей отвратительной сцены, наслажденія сочностью гнусной картины въ этой манерѣ новаго маркиза де-Сада, въ этихъ не то патологическихъ, не то чувственно-извращенныхъ потугахъ и судорогахъ противоестественной фантазіи!

И опять „Міръ Божій“. Разсказъ г. Ковальскаго, — изъ серіи „Война“. Въ ресторанѣ

кутитъ и безобразничаетъ съ продажными женщинами кружокъ какихъ-то богатыхъ, повидимому, людей. Мимо съ браунингами проходятъ три хулигана. Они голодны и устали. Сквозь окно они наблюдаютъ картину кутежа и оргіи. Отъ зависти и злобы они съ общаго согласія стрѣляютъ въ кутящую компанію и одного изъ кутящихъ убиваютъ. Авторъ видитъ въ этомъ ростъ правового сознанія хулигановъ. Впрочемъ, я забылъ отмѣтить „бытовыя подробности“. Дѣло происходитъ въ Мукденѣ. Кутятъ офицера съ японскими гейшами. Убиваютъ холодные и голодные солдаты. Но это, конечно, ничего не прибавляетъ къ обще-пролетарской морали автора разсказа и редактора журнала, Ѳ. Д. Батюшкова, едва ли не профессора: неимущій да убиваетъ имущаго.

Тотъ же журналъ и тотъ же редакторъ. Авторъ другой. На этотъ разъ польскій. Это Андрей Нѣмоевскій и его разсказъ „Христосъ въ Варшавѣ“. Христосъ идетъ во главѣ варшавскихъ бомбометателей и револьверщиковъ, мошенниковъ и членовъ еврейскаго „Бунда“. Передъ „выступленіемъ“ онъ пишетъ безграмотное освободительное письмо къ варшавскому архіепископу Попелю. Процессію съ красными флагами сопровождаетъ между прочимъ и спутникъ Христа, въ этомъ новомъ сошествіи его на землю, апостолъ Ѳома Невѣрный. Апостолъ

Ѳома говоритъ самымъ непристойнымъ языкомъ худшаго оборванца изъ всей грязной шайки варшавскаго Lumpenproletariat'а. „Люди, слѣдуйте за нимъ,—будто бы кричитъ мнимый апостолъ—ибо онъ училъ, какъ надо вставать противъ властей“. Мораль... Но о какой же морали можно говорить, когда дѣло идетъ о журналѣ „Міръ Божій“! И этотъ журналъ называется „Міръ Божій“. Не ужасно ли это?

Но—не довольно ли? Это, конечно, только малая капля изъ болота современной идейности. И это даже—лучшее. Ниже—еще глупѣе, еще грязнѣе, еще больше мерзости и гнили. Пройтись по такой трясинѣ,—можно и задохнуться. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Все на одинъ ладъ и на одну стать. Можно отдохнуть и на досугѣ подумать, что же такое идейная беллетристика, съ какимъ привѣтомъ ее встрѣчать, какъ ее къ себѣ въ хату просить—запросто хлѣба соли отвѣдать? Или - не лучше ли посторониться, запереть дворъ покрѣпче и уйти подальше по добру по здорову?

XXII.

Говорятъ, всѣ говорятъ, что настали дни свободы. Что-то не вѣрится. Кажется порой, что новые Батыи и Мамаи садятся на степ-

ныхъ коней и ведутъ орду, чтобы собирать дани и подати съ русскихъ рабовъ. Въ смутныхъ и темныхъ очертаніяхъ поднимаются новые Бироны, организующіе новую вырѣзку „опасной православной факціи“. Съ новымъ запасомъ идейной пошлости заговорили новые Чебышевы и Голицыны о подвигѣ уступокъ. На языкѣ медъ, а въ сердцѣ—ледъ. Слышенъ свистъ новой свободной нагайки и нигилистической пули браунинга. Не спите, русскіе люди! Готовьтесь! Близятся дни великаго испытанія! Вамъ грозятъ бичи и кнуты, узы позора и порабощенія!

Трудно, трудно вѣрить! Надо думать не столько о свободѣ, сколько о самооборонѣ. Надо отстаивать право на свою вѣру и на свою жизнь. Надо понять весь ужасъ надвигающейся опасности. Надо отразить трусливый и уклончивый языкъ рабовъ и все, что совершается у насъ передъ глазами, называть своимъ именемъ.

Я указалъ на одно орудіе задуманнаго разгрома. Это идейная беллетристика. Духовенство не имѣло возможности вмѣшиваться въ это дѣло, какъ не въ свое. Его защищали, ему покровительствовали и содѣйствовали сильные люди, Тягаться съ ними было невозможно. Было бы это постыдно и тогда, если бы они его только терпѣли. Но на самомъ дѣлѣ они ему

помогали. Они силою вводили его въ школы и навязывали его молодежи. Они то явно, то тайно и всегда лукаво держали руку враговъ русской вѣры и русскаго народа. И такое отношеніе къ идейной беллетристикѣ имѣетъ одна сторона общей системы.

Не вѣримъ мы тому, что и для русскаго народа и для русской церкви настали дни свободы. Правда, враги русскаго народа пользуются не только свободою слова, но и тою уличною дерзостью ругательной и оскорбительной рѣчи, для которой греки выработали энергичное выраженіе „παρρησία λόγου“—по выраженію Исократа.

Но не имѣемъ ли мы не юридической, а фактической возможности пользоваться, по крайней мѣрѣ, тою долею свободы, которая не вырветъ клещами нашъ языкъ, когда мы будемъ говорить свою правду простымъ и яснымъ языкомъ?

Вотъ передъ нами философія и искусство нашей русско-нерусской интеллигенціи. Что это такое? Если мы имѣемъ еще хоть какое-нибудь право носить имя христіанина и православнаго, если въ нашей совѣсти сохранились хоть какіе-нибудь слѣды христіанскаго ученія и заповѣдей Христовыхъ, если мы не стали ничтожными и преступными рабами Ваала и Молоха и дороги намъ основы и упованій чест-

ной и непостыдной жизни,—мы не должны лукавымъ языкомъ ложь называть истиною и богохульство—молитвою.

Противъ насъ стоитъ темная и порочная, воистину нечистая сила. Съ нею мечи и знамена бездны и ночи. Она злобно и дерзко стучится въ двери церкви, чтобы произвести тамъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Она старается пригнуть совѣсть и разумъ предстоятелей церковной іерархіи и вырвать у нихъ слово отреченія и отступничества. Она пришла на каѳедры высшей и средней школы и открыто поднимаетъ подъ именемъ науки стяги сознательнаго и вооруженнаго антихриста. Она подкапываетъ въ основахъ сельское и мужицкое училище, искореняя вѣковую правду крестьянской, т. е. христіанской жизни и щедрою рукою сѣетъ сѣмена вражды и розни по заповѣдямъ и по морали пролетаріата. Она врывается въ наши домы, въ священныя нѣдра дружной и честной семьи, силою тянетъ юношей въ дома терпимости и лупанары, вноситъ зародыши растлѣнія и разврата въ неопытное сердце довѣрчивой дѣвушки, проповѣдуетъ мораль насилія и убійства всей молодежи и тщится съ корнемъ вырвать весь „существующій строй“, потому что будто бы „христіанство не удалось“.

Вотъ тотъ подвигъ уступки, на который зовутъ и русскую церковь и русское духовенство!

Но—да не будетъ.

Въ дни бѣды и невзгоды вспомнимъ великое утѣшеніе умнаго и трезваго ренегата русской правды, эмигранта русской земли, покойнаго Александра Ивановича Герцена, который не хотѣлъ быть и умѣлъ не быть дуракомъ ради идейной революціи и революціонной идейности. „Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги,—говорилъ Герценъ, который когда-то и самъ пытался сдѣлать это.—Онъ упрется, ляжетъ на ней, врастетъ въ землю и притворится спящимъ, мертвымъ“ (VI, 297).

Что же? И русскому духовенству слишкомъ знакома эта тактика и стратегія многовѣковаго мученичества, гоненія за вѣру. Надо будетъ,—будемъ продолжать свою тактику, которая пережила и Батыя, и Бирона.

Говорятъ, что сила солому ломитъ. Правда,—но только *солому*... Дубъ падаетъ, но не гнется и рядомъ съ нимъ растутъ и крѣпнутъ молодые дубки.

Православная церковь—вѣчна и безсмертна. Передъ нею безсильны какъ внѣшніе, такъ и внутренніе враги. Мужъ праведной жизни и Богомъ вдохновеннаго разума, мужъ крѣпкой вѣры и великаго знанія, достойный имени отца церкви, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, съ пророческою прозорливостью прочиталъ въ книгѣ судебъ наступленіе нашихъ дней и далъ

намъ драгоцѣнный завѣтъ, которому вѣрные сыны церкви должны быть вѣрными даже до смерти.

„Пусть русскій государь подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія); пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго),—и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь и образуютъ чинъ мірянъ. Найдутся же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу. Они благословятъ низшіе чины и составятъ изъ себя все епископство—и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ. Она останется каѳолическою церковью, какою была и во времена апостоловъ" (II, 176—177).

Дерзай же, малое стадо, великимъ дерзновеніемъ, ибо настали времена великаго испытанія.

У русскаго духовенства — и только у него одного въ кругу имущихъ и образованныхъ слоевъ русскаго народа—есть одно великое упованіе на успѣхъ своего дѣла и на его грядущее развитіе. И это упованіе, оправданное и въ вѣкахъ, да останется путеводною звѣздою для русскаго духовенства до скончанія вѣковъ. Вдумаемся въ него и понесемъ, какъ

скрижали, по пескамъ и бездорожью предлежащей пустыни въ невѣдомомъ странствіи.

Русское духовенство никогда не жило по барски, не смотрѣло на христіанина, хотя бы и мужика, сверху внизъ, не презирало его за разумъ и волю его.

Богъ судилъ ему миновать эти пучины и бездны, изъ которыхъ никто безнаказанно не выходитъ. Путь указанъ тѣмъ же А. С. Хомяковымъ, который умѣлъ смотрѣть пытующимъ окомъ въ тайники сердца и христіанскаго взаимнаго общенія.

Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный судъ до насъ не доходитъ,—писалъ онъ Самарину,—пріучаетъ насъ жить спустя рукава, а внутреннее, хотя затаенное сознаніе нашей неправды надъ ними лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ равными. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ. Отсюда застой мысли, дряблость воли, безплодность нашего негодованія и это расчетливое равнодушіе къ добру и злу, которое выноситъ все, кромѣ искренняго слова, затрогивающаго совѣсть.

„Если можно характеризовать то, что я считаю нашею общею болѣзнью, — писалъ онъ графинѣ Блудовой,—я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просы-

пается, но почти всегда спросонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ".

„Видѣть,—говорилъ Хомяковъ, и да не пройдетъ мимо насъ и это слово!—всю отвратительность злоупотребленія принципомъ и все-таки признавать принципъ—это точно нравственный подвигъ".

Многихъ томовъ стоятъ эти золотыя, правдивыя и умныя слова. Причина всѣхъ нашихъ грѣховъ и преступленій—отсутствіе нравственнаго суда надъ нами по совѣсти тѣхъ, чью судьбу мы рѣшаемъ. Это роковая причина нашего недуховнаго растлѣнія, нашей порочности и нашего паденія все глубже и все назадъ. Симптомы нашего недуга указаны точно и ясно. Тотъ не пойметъ нашей жизни, кто не усвоитъ себѣ этой простой и несомнѣнной истины.

Итакъ, дѣло наше—усердіе и ревность о Христѣ. Путь нашъ—на міру и съ міромъ.

Высоко стояли надъ русскимъ мужикомъ русскіе образованные люди. Мужика, гонимаго и обидимаго, они презирали всею страстью жажды господству, и безстыдно называли его темнымъ и невѣжественнымъ, чтобы топтать его высокими каблуками изящныхъ ботинокъ зарубежной работы и уклоняться отъ его нравственнаго суда. Сами себѣ судъ, они надъ собою никакого другого суда не признавали и шли все впередъ и все выше" по пути нравственнаго растлѣнія и духовнаго обнищанія.

Въ этомъ—единственный, но обильный источникъ ихъ скудоумія, малой грамотности, порочности и преступности. За богатство и за достатокъ не давать ничего или давать слишкомъ мало—не считалось недостойнымъ и позорнымъ для человѣка, который всѣми средствами софистики и политики стремился только обезпечить себѣ полную невмѣняемость и безотвѣтственность, конституціонную амнистію за всѣ уголовныя дѣянія, содѣянныя и замышляемыя.

Духовенство не шло этой дорогой. Нравственный судъ прихода недалеко отъ пастыря. Его дѣятельность видятъ и знаютъ. Ему негдѣ спрятаться, перевестись въ другое вѣдомство, переѣхать въ другое имѣнье. Часто съ начала своего служенія и до могилы онъ живетъ общею жизнью съ одною и тою же паствой. Онъ всѣхъ знаетъ и его всѣ знаютъ. Всѣ знаютъ, кто и чему учитъ. Это не заѣзжій агитаторъ, который подожжетъ минутный гнѣвъ толпы, перемѣнитъ костюмъ и гримъ и, какъ воръ, спрячется отъ урядника, — агитаторъ, который лжетъ и обманываетъ, разсчитывая на полную безнаказанность для себя лжи и обмана, дѣло мятежа разжигаетъ царскою грамотою и прикрывается именемъ Бога, служа дьяволу.

Пастырь душъ, пастырь словеснаго стада, является и вполнѣ отвѣтственнымъ обществен-

нымъ дѣятелемъ, открытымъ для очей и для суда народа, общникомъ жизни своихъ ближнихъ, по пастырскому призванію выше своей среды, но живущимъ только въ ней и съ нею. И чѣмъ онъ выше, тѣмъ отвѣтственность его больше. Интеллигентъ, нищій и калѣка, можетъ жаловаться на то, что его среда заѣла, потому что онъ сталъ ниже своей среды. Но истинный пастырь не можетъ сгорать подъ спудомъ и не горѣть на свѣщницѣ. Бенгальскій огонь хорошъ на кровавой феерія, но для настоящей честной и трудовой жизни нужно солнце дня и правды.

И слово пастыря да будетъ свободнымъ со всею отвѣтственностью свободы, т. е. со всею свободою нравственнаго суда надъ нимъ со стороны тѣхъ, кто довѣрилъ ему дѣло своей правды и своей совѣсти.

Другихъ завѣтовъ у свободной церкви не было и нѣтъ. Такихъ завѣтовъ у другихъ общественныхъ факторовъ русской жизни не было и не будетъ.

XXIII.

Не для борьбы и не для нападенія нужна русской церкви свобода. Она нужна ей для самообороны и самозащиты отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

И православный пастырь не лишенъ права оберегать свою семью отъ нравственнаго растлѣнія и духовной нищеты. Онъ дома можетъ принять мѣры и построить запруду отъ наводненія растлѣнной идейной беллетристики. Каждому близки и дороги чада по плоти и крови. Въ тайну семейнаго строительства не проникнетъ оскверняющая рука даже иноплеменной власти. Но такъ ли далеки отъ сердца пастыря его чада по духу и по совѣсти? Не долгъ ли его поднять свой убѣжденный и авторитетный голосъ противъ чрезмѣрной легкости нравовъ и легкости быстротекучей идейности? Не долгъ ли его сказать „не убій“, когда кадеты и трудовики проповѣдуютъ политическія убійства? Не долгъ ли его сказать „не укради“, когда Милюковы и Струве воровскимъ обычаемъ списываютъ очередныя задачки средней школы съ конституціонныхъ шпаргаловъ нигдѣ несуществующей соціальной республики или съ существующаго Коммунистическаго Манифеста Маркса и Энгельса? Исполнитъ ли онъ свою пастырскую обязанность, если онъ не предостережетъ прихожанъ отъ тлетворной дѣятельности А. Я. Острогорскаго, Ѳ. Д. Батюшкова, сподвижниковъ петербургской редакціи „Журнала для всѣхъ, московскихъ „Вѣсовъ“ и „Скорпіоновъ?“ Можетъ ли онъ равнодушно смотрѣть и слушать, какъ идейные порнографы и эротоманы

развращаютъ дѣвушку-подростка или сознательнаго гимназиста, вооружаемаго противоестественною похотью?

Есть ли здѣсь свобода для христіанскаго пастыря или только свобода для блудника, мятежника, разбойника и убійцы?

Въ разумномъ христіанскомъ обществѣ безуміемъ покажутся эти вопросы скорби, негодованія и отчаявія. Но развѣ эти вопросы безумны въ наши смутные и черные дни, когда чуть не весь образованный слой русскаго народа отрекся отъ христіанства и проповѣдуетъ религію гибели и истребленія? Развѣ эти вопросы безумны, когда на грязныхъ красныхъ тряпкахъ, и на драгоцѣнномъ красномъ шелку или бархатѣ—написаны девизы искорененія русскаго народа и православія? Почему мы не хотимъ вѣрить нашимъ врагамъ и противникамъ? Сколько разъ они открыто говорили: „Смерть вамъ!“ Почему мы думаемъ, что все это въ шутку, не въ серьезъ, только ради краснаго словца и революціонной декламаціи? Отчего мы такъ усердно такаемъ на всякую глупую и оскорбительную рѣчь?

Вотъ новгородцы такали, такали—да и протакали.

Да, пора перестать молчать русскому духовенству.

Отчего же именно намъ?—скажутъ лѣнивые и неключимые рабы праздности и тунеядства.—

Мы не впереди, а позади другихъ. Впереди насъ дворянство. Умнѣе и ученѣе насъ академіи и университеты. Громче нашего слово писателей и журналистовъ. Въ насъ до сихъ поръ не нуждались и безъ насъ вели дѣло. Почему именно намъ надо идти въ первую голову въ бурю и непогоду, въ годину величайшей опасности, навстрѣчу близкой и почти неминуемой смерти?

— Оттого,—скажетъ и Богъ, и совѣсть,—что святѣйшая задача русской церкви и русскаго духовенства — стоять настражѣ Православія, завѣтнѣйшей святыни русской исторіи и русскаго народа, единственнаго источника духовнаго возрожденія для разслабленныхъ и прокаженныхъ, лучшаго сокровища не только Божьей правды, но и земной мудрости, добраго и честнаго личнаго, семейнаго, общественнаго и государственнаго житія.

— Но здѣсь придется вести дѣло не тѣми средствами, къ которымъ пріучила насъ въ вѣкахъ церковная практика. Придется мудрствовать по стихіямъ вѣка сего, считаться съ послѣдними словами науки, хитрыми узорами размалеванной идейности, съ идолами рынка и площади. Мы не привычны къ этому дѣлу. Намъ приличествуетъ тихое и безмолвное житіе, вдали отъ шума моря житейскаго, въ тишинѣ молчаливой и уединенной пустыни. Наше

дѣло подвига и примѣра, а не слова ученія и не спорныя человѣческой мудрости рѣчи.

— Но развѣ навѣки угасъ религіозный пламень пророковъ, которые смѣлою рукою ниспровергали идоловъ? Развѣ боялся споровъ и диспутовъ Іоаннъ Богословъ? Развѣ боялись проповѣди великіе отцы Церкви, когда въ дни догматическихъ нестроеній площади и рынки были полны лжеученіями и ересями, когда рыночная торговка, продавая смоквы, спрашивала покупателя, какъ онъ думаетъ объ единосущіи и подобосущіи? Развѣ совсѣмъ уже забытъ великій смыслъ церковной проповѣди и церковнаго ученія?

„Въ истинной Церкви нѣтъ Церкви учащей", — говорилъ когда-то Хомяковъ.

„Значитъ ли это, что нѣтъ поученія? Есть, и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, ибо въ ней поученіе не стѣснено въ предуставленныхъ границахъ. Всякое слово, внушаемое чувствомъ истинно христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть поученіе; всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ Божіимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій правду (не ради людей, а ради Самого Бога), пахарь въ скромномъ трудѣ, постоянно возносящійся мыслью къ своему Создателю, живутъ и умираютъ для поученія братьевъ, а встрѣтится въ томъ нужда—Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ и не найдетъ ученый богословъ". „Епископъ въ одно и то же время есть учитель и ученикъ своей паствы", — сказалъ современный апостолъ Алеутскихъ острововъ, епископъ Иннокентій. Всякій человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ на ступеняхъ іерархіи или, наоборотъ, какъ бы онъ ни былъ укрытъ отъ взоровъ въ тѣни самой скромной обстановки, непремѣнно то поучаетъ, то принимаетъ поученіе: ибо Богъ надѣляетъ кого хочетъ дарами Своей премудрости, невзирая на званія и лица. Поучаетъ не одно слово, а цѣлая жизнь. Не признавать иного поученія, кромѣ поученія словомъ, какъ орудіемъ логики—въ этомъ-то и заключается раціонализмъ, и въ этомъ его проявленіи онъ высказался въ папизмѣ еще ярче, чѣмъ въ реформѣ".

И развѣ мы совсѣмъ уже забыли смыслъ и значеніе догмата соборности церкви?

„Бывали соборы еретическіе, — говорилъ А. С. Хомяковъ, — каковы, напримѣръ, тѣ, на которыхъ составленъ былъ полуаріанскій символъ; соборы, на которыхъ подписавшихся епископовъ насчитывалось вдвое больше, чѣмъ на Никейскомъ; соборы, на которыхъ императоры принимали ересь, патріархи провозглашали ересь, явно подчинялись ереси. Почему же

отвергнуты эти соборы, не представлявшіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ? Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ*, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, гдѣ, когда это нужно по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, и младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія".

Для строенія соборной церкви — всѣ нужны и каждый по своему годенъ на своемъ мѣстѣ. Но и орудіе логики—могучее орудіе. Средства и пріемы раціонализма полезны и цѣлесообразны въ борьбѣ съ раціонализмомъ. На силлогизмъ надо отвѣчать силлогизмомъ. Пусть разоблачится всякій софизмъ и всякая азартная подтасовка понятій.

Пусть церковь живетъ каждымъ своимъ нервомъ, каждымъ атомомъ своей вѣры и любви, каждымъ подъемомъ надежды, каждымъ урокомъ подвига, примѣра и житія,—но пусть она выдѣлитъ изъ себя крѣпкую и хорошо вооруженную дружину для защиты своихъ рубежей, да всѣ за нею тихое житіе поживутъ. Пусть станутъ на богатырской заставѣ люди, которые дадутъ отпоръ номадамъ степной орды, вооруженной безуміемъ и ложью. Да не осквернится хульной клеветой дѣло христіанской вѣры и проповѣди! Было время, когда Ослябя и Пересвѣтъ надѣли шлемы подъ иноческій куколь и рясу подъ боевую броню. Будетъ время и для одинокой созерцательной молитвы. Когда же благо Церкви зоветъ къ вооруженной логикѣ, надо идти въ арсеналъ логики.

Или нашему духовенству уже совсѣмъ не по рукѣ христіанское и свѣтское оружіе? Развѣ ему въ диво діалектическій методъ въ развитіи обобщающихъ понятій?! Или оно не бывало на амфитеатрѣ философскихъ турнировъ отъ Ѳалеса до Гегеля? Новъ ей этотъ языкъ? Темна терминологія?

Не ради хвастовства, а ради свидѣтельства сущей истины надо сказать, что въ Россіи только одна духовная школа серьезно, планомѣрно и систематически знакомила своихъ питомцевъ съ формами и нормами логическаго мышленія, съ великими опытами философской мысли. Въ Россіи по этой части пальма первенства была всегда въ рукахъ этой школы и только она одна и давала первые опыты созидающей и обобщающей, а не разрушающей

и разлагающей системы взглядовъ. Дворянство дальше Вольтера не пошло. Разночинцы остановились на Бюхнерѣ и Молешотѣ. Пролетаріи спустились въ девятый кругъ Дантовскаго ада, на лохматыя колѣна Вельзевула и примостились съ бочка у Маркса и Энгельса. Вотъ и все. Дальше хоть шаромъ покати. Нигилистическій монизмъ, ширь поднебесная, да солдатъ съ ружьемъ. Въ философіи это или простецы, или сибариты. Философія—это строгая жена Одиссея, пороги которой напрасно обивали предпріимчивые женихи. Нужно много усилій, чтобы хоть на мигъ обратить на себя благосклонный взоръ степенной, домовитой и строгой матроны. Мыслящую Россію не подпускали даже на черный дворъ при ея цѣломудренномъ гинекеѣ. Дисциплиной философской школы могли похвастать только семинаристы.

Правда, у нихъ мало блеску и лоску. Клинокъ-то дамасской стали, да ручка деревянная. Но это бѣда поправимая. По нуждѣ рукоятку почище сдѣлаешь, да и ножикъ поточишь. Правда, золоченыя шпоры не прочны. Но для людей и показу—куда ни шло. Была бы сталь добраго закала, а позолота—пустяки. Да это и дѣло-то наживное.

Съ какими камчадальскими самострѣлами идутъ въ бой идейные босяки, гордость и на-

дежда мыслящей Россіи,—мы уже видѣли. Это вѣдь знаменитая армія Петра Амьенскаго. Старые кіевляне такихъ хозаръ и печенѣговъ гоняли безъ мечей, съ однимъ лишь засапожникомъ, а потомъ ратные московскіе люди по Ливоніи гоняли до Колывани шестоперами, какъ свиней. Старый споръ, не новая манера борьбы. Да и, будемъ думать, Богъ не выдастъ....

XXIV.

Въ чемъ же дѣло? Какъ же надо говорить духовенству? По приходамъ оно не молчало и не молчитъ. Въ чемъ его ошибка или служебная неисправность?

Духовенство забыло одно,—забыло то, что въ соборной церкви „поученіе не стѣснено въ предуставленныхъ границахъ“. Оно замѣшкалось на одномъ рубежѣ и не старается проникнуть въ нынѣ открытую для него новую область общественной дѣятельности.

Говорю объ организаціи русской православной проповѣди въ формахъ періодической печати.

Кругъ дѣйствія устной или малоорганизованной проповѣди—по самой сущности факта—не широкъ. Пламенное, умное и честное слово часто умираетъ въ избѣ бѣдняги прихожанина, на деревенскомъ полѣ при весеннемъ выгонѣ

домашней скотины, въ стѣнахъ убогой сельской церкви. Пусть въ своей сферѣ оно живо и дѣйственно, но самая сфера его слишкомъ ограничена и узка. Жизнь выработала для всякой пропаганды свои новыя формы и способы. Печать,—особенно періодическая печать,—является новой общественной силой. Пусть же ею воспользуются и de propaganda fide.

До сихъ поръ она была только орудіемъ противъ православія. Пусть же она станетъ блистающимъ мечемъ въ ополченіи за православіе. Надо считаться съ новыми потребностями города и деревни. Пусть доброе и разумное слово Христовой проповѣди идетъ съ почтовымъ поѣздомъ, не опаздывая и не залеживаясь въ памяти и на письменномъ столѣ, пусть оно звучитъ каждый день въ ежедневной газетѣ, пусть каждую недѣлю оно принесетъ добрую и полезную духовную пищу каждой христіанской семьѣ, пусть каждый мѣсяцъ въ толстомъ журналѣ оно глубокой бороздой прорѣжетъ сложные и серьезные вопросы текущей жизни подъ опытной рукой философовъ и мыслителей, пусть созидающая и любящая рука пошлетъ скорый и дружескій совѣтъ по каждой потребности обиходной жизни. Пусть золотистыя зерна хлѣба насущнаго щедрой рукою разлетятся по бѣднымъ и убогимъ нивамъ, жаждущимъ посѣва и урожая. И да не оскудѣютъ житницы и

сѣменные запасы въ кошницахъ сѣятелей, Богомъ и совѣстью призванныхъ сѣять Христову правду!

И надо оставить уже бездѣйственные шаблоны прежней простодушной и прекраснодушной манеры проповѣди. Просыпаются сѣрые и темные люди. Любопытство загорается въ пытливыхъ и зоркихъ глазахъ. Всѣ хотятъ знать, чѣмъ и какъ живутъ и волнуются люди. Законное любопытство и надо ему идти навстрѣчу. Нужны повѣсть, романъ, разсказъ,—нужна беллетристика, свѣжая, живая, чуткая, отзывчивая, тонко подхватывающая всѣ отголоски мѣняющейся жизни. Не нужно только идейной беллетристики, т.-е. такой, которая портитъ и мараетъ жанровыя картины проповѣдью разврата и убійства.

Нужны серьезныя и дѣловыя статьи, съ фактами и цифрами, съ попытками понять и уяснить сложную дѣятельность главныхъ рычаговъ экономической жизни и народнаго хозяйства,—но безъ той проповѣди, что собственность есть кража, и только путемъ постояннаго и безпрерывнаго воровства можно и нужно съ нею бороться.

Нужны свѣдѣнія и сообщенія о событіяхъ текущей жизни, но безъ той безшабашной періодической и хронической лжи, при которой вся общественная и государственная жизнь

превращается въ вертепъ разбойниковъ, гдѣ люди порядка называются черносотенцами, а воры и поджигатели героями освободительнаго движенія,—гдѣ завѣдомо ложные слухи становятся порохомъ для пороховницы новыхъ мятежей и бунтовъ.

Долгъ пастыря и правдивость очевидца должны будутъ положить непроходимую бездну между періодическою печатью, какъ орудіемъ добра и свѣта, и тѣмъ періодическимъ Вавилономъ, на которомъ горятъ роковыя слова: „Содомъ и Гоморра".

Прежде всего духовенство должно позаботиться о себѣ и своихъ семьяхъ. Нельзя своимъ чадамъ и домочадцамъ вмѣсто хлѣба и рыбы давать камень и змѣю. Нельзя оставлять молодежь въ обществѣ воровъ и развратниковъ. Къ честному и разумному печатному слову мало-по-малу станутъ тянуться и другія семьи, не духовнаго происхожденія, но съ христіанскими понятіями и чувствами. И будетъ милъ и дорогъ каждый прозелитъ, который въ дни безвѣрія и нравственнаго одичанія не убоится возревновать о Господѣ.

По условіямъ современной жизни печать стала силой, а періодическая печать—потребностью. Кто молчитъ, того забываютъ. Думаютъ, что тому нечего и сказать, кто говорить не хочетъ или не можетъ. А русскому духо-

венству есть что сказать, что оно и говорило въ вѣкахъ.

Или ждать, что наше, именно наше, неотложное и самое серьезное дѣло сдѣлаютъ за насъ другіе? Что найдется ловкій антрепренеръ-издатель, который, подсчитавъ смѣту и возможный балансъ, рискнетъ своимъ капиталомъ, создастъ органы печати спеціально для духовенства и по дешевой цѣнѣ будетъ въ опредѣленные сроки давать голодающему пастырю насущный хлѣбъ? Онъ, рыночный торговецъ, лучше пойметъ душу православнаго пастыря, и не слукавитъ, подмѣшивая атеизмъ и безнравственность къ немногимъ зернамъ Христовой правды?

Примѣры коммерціи на богословскіе и религіозные векселя—были. Но радоваться имъ нечего. Мыльные пузыри лопались и лопаются. Трудно дѣлать чужое дѣло. Нуженъ хозяйскій глазъ, чтобы провѣрять юркихъ приказчиковъ. Не то продаютъ, не за то продаютъ, слишкомъ часто дѣлаютъ справки на биржѣ, произвольно поднимаютъ и понижаютъ курсъ, очень ужъ усердно смотрятъ на флаги и флюгера, усердствуютъ или остываютъ по срочнымъ телеграммамъ учетнаго кредита. Мертворожденные призраки на почвѣ коммерческой изворотливости только засоряютъ глаза и наглухо затыкаютъ уши читателя.

За это дѣло должно взяться само духовен-

ство, и не ждать себѣ доброхотныхъ даяній отъ каприза добычливыхъ купцовъ. Оно должно кормить съ своего же стола свою духовную братію и семью, одѣлять нескудною милостынею алчущихъ и нуждающихся, искать безпріютныхъ и сирыхъ и кормить голодныхъ.

Тогда—и только тогда—достойнымъ и непостыднымъ способомъ будетъ рѣшена великая задача, предстоящая нынѣ православному духовенству.

XXV.

Возможно, что при всей новизнѣ дѣла, духовенство въ принципѣ согласится съ этими доводами и согласится поставить этотъ вопросъ на очередь.

Но возможно ли и осуществимо ли это дѣло, при наличныхъ матеріальныхъ силахъ и средствахъ и условіяхъ неминуемой борьбы. Дѣйствительно ли оно можетъ стать на практическую и дѣловую точку? Какъ поставить и организовать дѣло? Гдѣ найти людей? Какъ достать денегъ? Какъ вести дѣло,—т.-е. о чемъ больше говорить и о чемъ меньше?

Серьезность и важность этихъ дѣловыхъ вопросовъ, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Необходимо обдумать всѣ подробности и детали. Многому придется учиться уже

на работѣ. Но, чтобы зрѣло и обдуманно приступить къ дѣлу, надо устранить только тѣ общія сомнѣнія, которыя касаются возможности и осуществимости этого сложнаго предпріятія.

Если бы значительная часть православномыслящаго духовенства съ глубокою любовью къ дѣлу приступила бы къ новой и трудной работѣ, она безъ труда нашла бы людей, которые взяли бы на себя технику и постановку этого дѣла въ его будничной и дѣловой оболочкѣ.

Пастырь своего стада не можетъ отдать всѣ свои силы и весь свой день спеціально газетной и журнальной работѣ. Иначе это будетъ въ ущербъ его ближайшей и непосредственной пастырской обязанности. Да и не совсѣмъ прилично и удобно въ рясѣ нести хозяйственную, административную и боевую службу въ такомъ шумномъ и пестромъ дѣлѣ, какъ изданіе періодическаго органа. Быть можетъ, эти хлопоты и труды лучше было бы возложить на мірянъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ духовенства и отвѣтственныхъ передъ настоящими хозяевами и распорядителями всей организаціи.

Это, конечно, вопросъ практическаго удобства, хотя онъ по своему имѣетъ великое значеніе. Слѣдовало бы только помнить, что всѣ подобныя періодическія изданія должны вполнѣ

замѣнить подобныя имъ изданія языческой идейности, сохранить всѣ рубрики и отдѣлы, всѣ справочныя свѣдѣнія и отчеты, чтобы газета отвѣчала всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ каждой ежедневной газетѣ, чтобы еженедѣльникъ былъ бы типичнымъ еженедѣльникомъ, журналъ—журналомъ. Пусть органъ этой окраски по полнотѣ и обилію свѣдѣній безъ всякаго изъяна и ущерба дастъ все, что отъ него ждутъ и,—если найдется умѣнье и искусство,—превзойдетъ обычный нормальный уровень. Своевременность и свѣжесть сообщеній періодической печати дѣло слишкомъ существенное и серьезное, чтобы можно было относиться къ нему спустя рукава.

Не меньше, а если можно будетъ, то и больше того, что даютъ свѣтскіе органы печати, желательно для широко распространеннаго, хорошо освѣдомленнаго, чуткаго и отзывчиваго изданія. Особенность здѣсь будетъ только въ духѣ и освѣщеніи фактовъ и событій. Въ руководящихъ статьяхъ проявится, окрѣпнетъ и выраститъ тотъ общій тонъ и подъемъ духа, который полнѣе всѣхъ отвѣтитъ общему голосу православнаго церковнаго народа. Крайности понемногу сгладятся сами собою. Неувѣренность и нерѣшительность—на первыхъ порахъ, конечно, неизбѣжны. Надо заранѣе подготовиться къ возможнымъ промахамъ и ошибкамъ.

Но духъ единенія и желанія учиться со временемъ внесетъ нужную стройность и возможное единство.

Въ серьезности, дѣловитости и вдумчивости нашему духовенству отказать нельзя. Оно едва ли слишкомъ легко будетъ поддаваться обычнымъ соблазнамъ періодическаго легкомыслія и легковѣрія. За содержаніемъ дѣло не станетъ. Но какъ справиться съ формою? Какъ заговорить живымъ, яснымъ и правильнымъ разговорнымъ языкомъ? Какъ отрѣшиться отъ литературнаго акцента, отъ привычнаго жаргона, который могъ бы стать только излишнимъ средостѣніемъ между авторомъ и читателями?

Ну, не боги горшки обжигаютъ. Дѣло важное, но не первостепенное. Было бы желаніе пробовать и учиться, успѣхъ будетъ. Теперь литературность языка перестаетъ быть рѣдкостью. Перо чаще и чаще попадаетъ въ руки каждаго обывателя, который прежде считалъ это недосягаемою привилегіею немногихъ избранныхъ. Несомнѣнная начитанность духовенства облегчитъ и ускоритъ дѣло.

Было бы большимъ недочетомъ, если бы не обратили должнаго вниманія на художественную прозу и поэзію. Не представится ли тутъ непреодолимыхъ трудностей? Какъ здѣсь пособить горю? Не всѣ ли поголовно беллетристы стали идейными беллетристами, непримиримая

борьба съ которыми и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ каждаго честнаго и уважающаго себя органа, не отрекающагося отъ христіанства и православія?

Нѣтъ, къ счастью, не всѣ мастера художественнаго слова поклонились Ваалу и Астартѣ, кикиморѣ и лѣшему. Есть живое, трезвое, яркое и талантливое творчество и въ нѣдрахъ христіанской правды. Ихъ мало, всѣ они почти наперечетъ, но это главнымъ образомъ потому, что на нихъ нѣтъ спроса. Существенно и то, что среди начинающей молодежи есть беллетристы съ несомнѣнной искрой Божіей, съ чистымъ сердцемъ и съ незапятнанною совѣстію, люди честные и умные, не измѣнившіе Христу и его правдѣ.

Нельзя упускать изъ виду и того, что духовенство стоитъ гораздо ближе къ простому народу, чѣмъ другіе образованные слои населенія. Оно видитъ своими глазами то, что идейные сновидцы знаютъ только по наслышкѣ и заранѣе осуждены на ложь и фальшь, какъ только начнутъ рисовать жанровыя картины изъ деревенскаго быта. Для людей, одаренныхъ наблюдательностью и художественнымъ чутьемъ,—только починъ труденъ. Первые удачные опыты поднимутъ предпріимчивость и другихъ. Всякое большое дѣло растетъ не сразу. Но когда маховое колесо приходитъ въ движеніе, его и остановить трудно.

И, можетъ быть, мы въ первый разъ услышимъ правду о народѣ отъ бытописателей изъ духовенства, послѣ того, какъ смолки бросившіе мужика и землю дворяне.

Но пусть найдутся и люди, хотя это дѣло трудное, требующее и времени, и поисковъ, и усилій. Но гдѣ найдется тотъ nervus rerum, безъ котораго въ наше бездоходное время ничто невозможно? Гдѣ найдутся деньги?

Знаю, что это вопросъ очень нескромный и щекотливый. Попробую отдѣлаться отъ него нѣкоторыми общими соображеніями.

Идейная періодическая печать никогда не нуждается въ капиталахъ. Какъ только является потребность, являются и деньги. Часто и сознательно торгуютъ прямо себѣ въ убытокъ. Денежныя потери возмѣщаются другими выгодами. Тамъ, въ этой области, свой особый счетъ. Считать и разсчитывать тамъ, повидимому, очень умѣютъ. Если находится столько средствъ и капиталовъ для служенія Мамонѣ, почему ихъ не найдется для служенія Богу?

Коммерческій расчетъ ясенъ. Служеніе дорогому клубу и дешевому трактиру, улицѣ и ярмаркѣ, легкости нравовъ и легкости мысли—выгоднѣе, чѣмъ служеніе Богу и правдѣ его, чѣмъ великіе помыслы и строгія думы.

До послѣдняго времени это было аксіомой для всякаго антрепренера періодической печа-

ти. Православные коммерсанты, даже купцы православной и старовѣрческой складки, вкладывали огромные капиталы на пропаганду политическаго убійства и разрушенія честной семьи потому, что удивительно великъ былъ спросъ на гнилые плоды именно этого издѣлія.

Но революціонныя „выступленія“ начинаютъ надоѣдать. Находятся люди, которые разглядѣли грязь и мерзость той свободы, до которой могли подняться сознательные, но жирные и безкрылые червяки „мыслящей Россіи“. Крови и распутства слишкомъ довольно. Изъ душной, парной и пьяной кровавой бойни хочется выйти на свѣжій воздухъ,—хочется посмотрѣть на небо, куда такъ долго не смотрѣли. Туманы расходятся, иллюзіи падаютъ, облетаютъ вѣнки жуликовъ, мошенниковъ и явныхъ прелюбодѣевъ.

На преступленіе и порокъ бываетъ своя мода. Но она слишкомъ ужасна и эксцентрична, чтобы оставаться надолго. Даже веревочные нервы не выдерживаютъ этой повышенной марки. Съ великимъ трудомъ, съ нестерпимою болью выходитъ кровавый хмель изъ ноющаго и трещащаго черепа и тяжело похмелье безумія. Но время и благожелательная судьба дѣлаютъ свое дѣло.

Пусть на первыхъ порахъ будутъ нужны значительныя затраты. Пусть неохотно собираются люди послѣ безумной оргіи къ покая-

нію и молитвѣ. Но если дѣло будетъ поставлено серьезно и строго, соотвѣтственно современному уровню въ постановкѣ періодической печати, если найдутся опытные и талантливые люди, если ихъ убѣжденное и вѣрующее слово вырвется изъ горячаго и живого сердца, если лучшіе люди православнаго духовенства его поддержатъ и Богъ его благословитъ,—голосъ православія на Руси не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Изъ далекаго Іерусалима придутъ къ Іордану толпы учениковъ, жаждущихъ истины и Бога. Изъ малаго зерна выростаетъ могучая смоковница, раскроетъ свою гостепріимную крону, пріютитъ бездомнаго странника, дастъ миръ, и покой, и отдыхъ усталому путнику. Поливать и холить ее придется только въ ея ранніе годы, пока она сама не наберется силъ и не станетъ прочно на своихъ здоровыхъ и крѣпкихъ корняхъ.

Но—еще одно опасеніе. И въ духовенствѣ есть своя рознь. Бѣлое и черное, столичное и сельское—еще свели не всѣ свои счеты. Ну, это дѣло домашнее. Найдутся свои формы для рѣшенія этихъ споровъ. Это частное и въ сущности неглубокое раздвоеніе. Оно вполнѣ разрѣшимо и въ свое время въ духѣ мира и любви разрѣшится до конца. Не слѣдуетъ примѣшивать его къ общему дѣлу, которое прежде всего требуетъ согласія и единенія. А для это-

го единенія почва давно готова. Всѣ мы одинаково вѣруемъ въ Господа Нашего Іисуса Христа, всѣ мы одинаково читаемъ никейскій символъ вѣры, у насъ одна надежда и одно утвержденіе. Настало время стать за него всѣмъ церковнымъ народомъ, и чернымъ, и бѣлымъ, и городскимъ, и сельскимъ,—и клирикамъ, и мірянамъ, — ибо врата адова грозятъ одолѣть церковь.

Что же? Дѣло трудное, но возможное. Нуженъ великій подвигъ. Вспомнимъ великихъ подвижниковъ Христовой церкви. Они подвизались. Это не счастливая мечта, и не несбыточный сонъ, а простая правда жизни, возможная и осуществимая.

Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ? Смѣло, дружной толпой идите всѣ, въ комъ истомилось сердце, но не остыла вѣра и не погасли вѣчныя надежды.

Настали дни испытанія и работы. Не время спать и медлить. За дѣло! Въ добрый часъ!

И да благословитъ Васъ Богъ.
